

Сергей Кожушко

Тринадцатый сын

18+

Сергей Кожушко
Тринадцатый сын

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кожушко С.

Тринадцатый сын / С. Кожушко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Древнее предание гласит, что настанет день, когда первородное зло соберет тринадцать своих единокровных сыновей, дабы безраздельно властвовать на всей планете... Летом 2017 года одновременно в России и Швейцарии начинают происходить загадочные и пугающие события, разгадать суть которых и спасти землю от неминуемой беды предстоит главным героям книги.

© Кожушко С., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

И отверг сын путь отца своего,
Ибо путь сей – есть ложь и зло...

Глава 0

«Вот ты и открыл первую страницу. Это далось тебе легко. Также легко, как сдуть с одуванчика его белый пушистый венец, также просто, как сделать глоток прохладной воды в изнуряющую июльскую жару. Ты открыл первую страницу, не подозревая о том, что ждет тебя там, за десятками подобных страниц, сотнями слов и тысячами ровных черных знаков. Разве тебе это неинтересно? Разве ты не томишь предвкушением открытия? Или считаешь, что все уже открыто до тебя? О-о! Тогда ты заблуждаешься! Заблуждаешься точно так же, как заблуждался еретик Коперник, или набожный неудачник Дарвин. Заблуждаешься с единственной разницей от ушедших в небытие и оставивших после себя лишь звучные имена: ныне тебя за подобное не сожгут на костре, не повесят и не гильотинируют. Ты владеешь одной из самых главных свобод – свободой иллюзии, принесшей в ваш мир столько страданий. Запомни: все страдания – от иллюзий. Иллюзия собственной силы и важности, иллюзия полной власти, иллюзия всепоглощающей любви, иллюзия свободы...»

Я тебя, наверное, утомил своим пристрастием к нравоучениям? Опять же это твое чувство – всего лишь иллюзия. Ты – продукт человечества и потому мыслишь шаблонами своей цивилизации. Но скоро это изменится. Изменится потому, что в твоих руках эта книга. Уверен – еще пара таких страниц и ты захочешь отбросить этот томик в самый дальний угол комнаты, а может и вообще в камин (если таковой у тебя имеется). Но ты этого не сделаешь. Ты будешь читать дальше и дальше, продираясь сквозь мои нравоучения, которые вскоре покажутся елеем для твоего оживающего, просыпающегося от тысячелетней спячки ума. Нет, ты не выбросишь эту книгу никогда! Даже заучив ее наизусть, ты будешь возвращаться к ней снова и снова, и делать очередные открытия...

Теперь ты подумал: «Ну, и заливают же этот писака!» Не оправдывайся. В твоей голове родилась именно эта мысль. Ничего, я не обижаюсь на тебя. Твои сегодняшние мысли – иллюзия, до краев наполненная пустотой сознания собственной значимости. Типичная ошибка просвещенного человека! Это ты поймешь, когда дочитаешь книгу до самого конца. Впрочем, есть ли у нее конец? Этого не знаю даже я – ее автор, критик и издатель. Скорее всего, нет. Вот ты снова скептически улыбнулся, подумав, что конец есть у всего – у жизни, у Вселенной, у бытия, у времени... А вот это уже иллюзия высшего порядка. Это иллюзия Бога, вложенная в умы «передового человечества». Считаешь, что я замахнулся на неприкосновенное? Может быть, может быть... Извини, если оскорбил твои чувства. Хотя теперь в своем сознании вы все атеисты. А если точнее, то поверхностно верующие...

Перехожу к своему следующему тезису. Если ты относишься к категории внимательных читателей, то наверняка заметил, что эта книга начинается с нулевой главы...

Теперь, после того, как ты перевернул страницу, дабы убедиться в этом еще раз, и вернулся к излагаемой мною мысли, я, конечно, соглашусь с тобой: с точки зрения литературной, нулевая глава является полной ерундой, авторским выкрутасом, претендующим на оригинальность. Этаким словесный (точнее математический) абстракционизм. Ибо все в подлунном мире начинается с цифры «один». Нет нулевого года, нулевой монеты, да и саму цифру «ноль» придумал плешивый и близорукий умник, чтобы хоть как-то вести счет после девяти. Ноль – есть небытие, а небытие – это мрак. Мрак же, как сказано в древних мудрых книгах – непроявленная реальность, в которой существует не только зло. Да и само зло не всегда есть плохо. Согласно одной из твоих иллюзий тебя в небытии не существовало, как не существовало вообще никого, кроме Него Наисветлейшего и Него Наитемнейшего. Ты же, по неизвестно откуда взявшейся традиции, выбрал эти две высших крайности и живешь, думая, что вот

одно (добро) дается от первого, другое (зло) – от второго. Наивреднейшая иллюзия, превращенная в догму, от которой за последние две тысячи лет полегла не одна сотня миллионов человек. Скажешь – ерунда! Ерунда, конечно, в сравнении с тем, что через пару-тройку десятилетий в одночасье будут выкашиваться миллионы смертных страдальцев. Тогда и на это ни кто не обратит внимание. Так, мелочь, хотя и неприятная. Уже давно зло стали считать добром, а добро – злом. А те две сущности сидят в своих недоступных мирах и озадаченно чешут затылки: как же это вышло? Ведь хотели-то как лучшие! А получилось так, как возжелал человек. А все потому, что забыли о третьем. Все кричат: третий лишний, третий лишний! Да не лишний он, а неудобный! Все, что неудобно – безоговорочно отбрасывается и замещается иллюзией. Так было во все времена. Интересно, появится ли когда-нибудь эдакий ученый муж, кто-то вроде Фрейда или Юнга, который создаст полное учение об иллюзии. Боюсь, что создавая свою бессмертную теорию, он утонет в собственных иллюзиях и, не в силах бороться с неизбежным, возведет их в очередную догму. И будут на нее ссылаться тугоумные последователи, и станет она модной, и разрастется, как сорняк на огороде нердивого хозяина.

Итак, небытие, мрак, зло-добро, ноль. Абсолютный ноль!.. Разве в самых темных, дальних углах твоего подсознания не сохранилось воспоминания об этом блаженном состоянии? Вот он настоящий рай, без иллюзий, смятений и боли! Вот оно естество! Разве ты не помнишь себя, как абсолютное сознание, сжавшееся до размеров атома, заполнившего всю Вселенную? Нет, ты наверняка этого не помнишь. Не отчаивайся, многие не догадываются о том, кто они есть на самом деле. Живут тихо, в свое удовольствие, творят, созидают, разрушают... И вдруг в один ни чем не примечательный день раздастся стук в дверь, или кто-то бережно так кладет руку тебе на плечо. Ты оборачиваешься, вглядываясь в неясные черты, и вспышка ослепляет тебя, испепеляет твою нынешнюю плоть, обнажает скелет прошлого. Многие не выдерживают этого. Петля, затянутая на цветущей упругой шее, пуля, высверливающая отверстие от одного виска к другому, тесная смиренная рубашка... Не у всякого прошлое соответствует его иллюзиям или иллюзиям окружающих. Лишь избранные способны нарастить на скелет прошлого свежую плоть. Ты никогда не задумывался, что можешь принадлежать к этой когорте избранных? Избранных вечностью, мною?..

Я создавал эту книгу задолго до твоего рождения. Но я знал, что на свет появишься именно ты. Уже тогда я видел все твои достоинства и недостатки, знал, кем ты станешь в своей первой жизни и представлял, что из тебя должно получиться после. Знаешь, со стороны все это выглядело весьма многообещающе...»

***

Они шли вдоль высокой железнодорожной насыпи. Их было двое: он и Двенадцатый. Галька, пропитанная мазутом и соляжкой, потрескивала под их босыми ногами. Шли они уже очень долго. Мимо, то слева, то справа проплывали большие города, маленькие поселки, одинокие крохотные сторожки, поля, засеянные наливавшейся золотом пшеницей и загадочно притихшие леса. Светило терявшее свою прежнюю силу августовское солнце, опускалась прохлада летней ночи, а они все шли и шли, перетирая сухими шершавыми ступнями острые камни в невесомую пыль. Когда подавал голос приближавшийся локомотив, они молча спускались на обочину и провожали взглядом пронесившиеся вагоны. Машинисты, сидевшие в кабинах электропоездов, успевали покрутить пальцами у висков, и их перекошенные лица в следующую секунду уносились в будущее, таща за собой сотни тонн грохочущего железа. А путники вновь ступали на еще подрагивавшие шпалы, продолжая свой долгий путь...

Он был довольно стар, худошав, не по годам подтянут и статен. Пепельные густые и вьющиеся волосы покрывали его миниатюрную голову. Он имел выразительное, точно у актера американских вестернов сороковых годов, лицо – загорелое, обветренное, гладко выбритое и испещренное сеткой глубоких морщин, с острым орлиным носом. Он почти никогда не улы-

бался. Даже когда того требовали правила приличия. Лишь появлявшаяся мягкость в его колючих серых глазах выдавала его особое расположение духа. Его же лицо оставалось непроницаемым, будто высеченное из благородного камня.

Одет он был старомодно и даже довольно странно: несмотря на летний зной, на его широких костлявых плечах болтался темно-синий болоньевый плащ, под расстегнутыми полами которого виднелся потертый, но все еще находившийся в хорошем состоянии костюм-тройка. Ворот ослепительно белой манишки стягивал малиновый галстук-бабочка. В жилистой широкопалой руке он нес старый саквояж, по сморщенному и тощему виду которого можно было подумать, что тот совершенно пуст. Или почти пуст.

Но совсем не вязалось с его благообразной внешностью аристократа то, что он был бос. Ни кто не знал, почему он не носил обуви. Даже Двенадцатый. Однако это ни как не влияло на скорость его передвижения, которой мог бы позавидовать любой мастер спортивной ходьбы. Казалось, ему было все равно: идти ли по ровному, как зеркало, автобану, теплomu и ласковому песку, битому стеклу, ржавым гнутым гвоздям. Лицо его неизменно сохраняло строгое и отрешенное выражение, какое можно увидеть на потемневших от времени портретах благодетельных старцев.

Его спутник – тридцатилетний голубоглазый, пышущий здоровьем блондин, на целую голову возвышавшийся над стариком – брел позади старика, стараясь попадать босыми ступнями точно ему в след. Это он делал от того, что его ноги еще не обладали той выносливостью, какую имели ноги старика, а путь, проложенный тем, был мягок и удобен.

Двенадцатый старался вести себя и поступать точно так же, как и старик. Он также не носил обуви, его красивое мужественное лицо не выражало ничего, даже когда острый осколок битого стекла с хрустом входил в его пятку, и кровь обаграла землю. Правда, рана его немедленно заживала, однако боль – этот бич рода человеческого, делавший его слабым и трусливым – боль еще какое-то время давала о себе знать.

Весь их путь старик молчал. И Двенадцатый ни разу не разомкнул свои уста. Да и зачем им было разговаривать, когда хватало одного лишь беглого взгляда.

В противоположность старику Двенадцатый выглядел весьма стильно: узкие и светлые, подвернутые у щиколоток джинсы и белая футболка подчеркивали его спортивную фигуру. За спиной у него болтался переброшенный через плечо и поддерживаемый указательным пальцем за петлю вельветовый пиджак, на нагрудном кармане которого отливало золотой вязью «P.N.».

Двенадцатый шел, не отводя цепкого взгляда от спины своего ведущего, повторяя все колебания его сухопарой фигуры. Ему казалось, что он и дышит в такт легким старика. Это обстоятельство придавало парню новые силы. Еще же он помнил, что во внутреннем кармане его пиджака лежала книга, подаренная стариком, и прочитанная им уже трижды. По прибытии в город Двенадцатый намеревался в очередной раз открыть ее выцветшие страницы. И эта мысль гасила периодически вспыхивавшую боль.

Железнодорожное полотно начало уходить влево, огибая плотную стену хвойного леса. Сбоку от насыпи возник потрескавшийся деревянный столб, который венчал белый металлический квадрат с черными цифрами «252». Впереди показался серый кирпичный домик, за которым торчала вздыбленная бело-красная рука шлагбаума. Метрах в ста от домика две женщины, затянутые в желтые куртки и голубые платки, неспешно выкашивали густую высокую траву, облеплявшую игрушечный домик и напоздавшую на насыпь. Вернее, косила одна – низкорослая и коренастая с красным рябым лицом. Вторая, что была помоложе, стояла, опершись на черенок косы, и задумчиво глядела себе под ноги.

Поравнявшись с женщинами, старик громко спросил:

–Далеко ли до города?

Косившая смахнула с рябого лица капли пота вместе с налипшим гнусом и, сплюнув в траву вязкую слюну, язвительно заметила:

–Во-первых, здарсьте! У нас тут так принято! А, далеко ли до города? – это смотря как добираться. Если на дрезине, то минут тридцать, а ежели на своих двоих – часа за три-четыре управитесь.

По женщине было видно, что, несмотря на внешнее раздражение, ей хотелось поболтать с путешественниками. Она аккуратно положила инструмент в траву и, подперев полные складчатые бока руками, уставилась на старика.

–Чего босиком-то? – удивилась она. – Ноги что ли казенные?

Старик промолчал и взглянул на Двенадцатого. Они спустились с откоса. Парень нагнулся. Поднял косу и, легко размахивая ею, пошел вдоль насыпи к асфальтовой ленте переезда.

–Зачем это? Чего это он!? Не надо, мы сами управимся! – засуетилась женщина, комично жестикулируя. – Катька! – окликнула она задумчивую подругу. – Какого хрена ты столбом стоишь! Скажи хоть что ни будь!..

Старик ухватил своей широкой ладонью женщину за запястье и, сжав его, проговорил спокойным властным голосом:

–Так нужно. В этом ведь ничего плохого нет...

Катька, наконец, вышла из оцепенения и подняла голову. Старик увидел красивое молодое лицо с глазами полными грусти. Эти глаза смотрели вслед удалявшемуся Двенадцатому.

–Хорошо идет! – шепотом пробормотала она.

–Вечно у тебя одно на уме! – толкнула Катьку в округлое бедро рябая женщина. – Прости, Господи!

Старик раскрыл кожаный саквояж, вытащил оттуда щетку и принялся старательно соскабливать ею пыль с плаща.

–Почему не поездом добираетесь? – полюбопытствовала женщина. – Денег нет? Вроде приличные люди. Не бичи какие-нибудь.

–Нам так удобнее, – скупно бросил старик, усердно работая над рукавом, на котором темнело пятно засохшей грязи.

–Что не поездом – это вы зря, – со вздохом заметила собеседница. – В трех километрах отсюда река протекает. Через нее перекинут железнодорожный мост. Так вот вас на него не пустят. Там охрана. Это ведь стратегический объект! – многозначительно подняла она указательный палец.

–Какой объект? – переспросил старик, не отрываясь от своего занятия.

–Стра-те-ги-чес-кий! – ударила по каждому слогу женщина.

Старик пожал плечами, убрал щетку в саквояж и, щелкнув замками, сказал:

–Вот и все.

В воздухе отчетливо и терпко пахло потом и свежескошенной травой. За спиной ряболицей женщины бесшумно возник Двенадцатый. Он устало стянул с себя мокрую футболку и принялся неспешно обтирать ею блестящее под лучами солнца мускулистое тело. Катька зачарованно уставилась на обнаженный торс парня. Ее подруга обернулась и ахнула:

–Неужто управился!

Парень молча кивнул.

–Ну, ты и шустер! – хлопнула себя по мясистым ляжкам женщина. – Мы бы до самого вечера горбатились. Спасибо тебе, добрая душа!

–Пойдемте, чайку попьем, – подала томный голос Катька.

Рябая встрепенулась, сообразив, что незнакомцев следует отблагодарить, и поддержала Екатерину:

–И то верно! У меня еще и самогон есть. Идемте в дом!

Двенадцатый вопросительно посмотрел на старика. После секундного бессловесного диалога они направились к дощатому некрашеному крыльцу. Екатерина просияла лицом, ожила и,

проскользнув в дом прямо перед носом у гостей, призывно загремела посудой. Рябая насмешливо хмыкнула и, выпуская в узкий темный коридор мужчин, наконец представилась:

– Меня Ангелиной зовут. А она – Екатерина. Напарницы мы – наперсницы. Уже пять лет, как в этой дыре...

– Присаживайтесь, – пригласила вошедших Катка за небогатый стол, на котором кроме огромной сковороды с остывающей жареной картошкой, графина с мутной белесой жидкостью, двух очищенных луковиц, да горки нарезанного домашнего хлеба ничего не было.

Старик вновь взглянул на Екатерину. Та успела переодеться в короткое ситцевое платьице, распустила длинные каштановые волосы, а на шею набросила тонкое жемчужное ожерелье. Старик усмехнулся одними глазами и сел на стул. Ангелина живо разлила по рюмкам самогон и уже собралась сказать что-нибудь банальное в качестве тоста, как вдруг вспомнила:

– А вас-то как величать?

Старик распрямился, хрустнув костями, и, подумав недолго, ответил:

– Зовите меня отец. А его, – он обернулся к парню, уставившемуся в пустую тарелку, – а его – земляк.

Екатерина хихикнула:

– Чудные вы!

Она взяла табурет, под села к Двенадцатому и принялась накладывать ему ломтики картофеля.

– Ладно, давайте выпьем за знакомство! – подняла подрагивающей рукой рюмку Ангелина.

Двенадцатый потянулся к наполненному бокальчику, но старик стремительным движением остановил его. Он поднес рюмку парня к своему носу, принюхался, а затем выплеснул ее содержимое на ковровую дорожку, сопроводив сей поступок злым бормотанием: «Вредная иллюзия!..»

Самогон застрял в гортани Ангелины. Она поперхнулась, закашлялась, точно неисправный двигатель, и прохрипела, брызгая слюной:

– Что же это вы, отец, хозяев обижаете! Нехорошо так!..

– Прости, хозяйка, но мы не пьем, – глухо извинился старик, нанизывая на вилку ломоть хлеба.

– Брезгуете? Ладно, поешьте хоть. Екатерина, неси самовар! Может, от чая не откажутся...

Екатерина встала и поманила за собой в соседнюю комнату Двенадцатого:

– Поможешь мне, земляк...

От первой же рюмки самогона Ангелина ословела. Подперев полную, покрасневшую пуще прежнего щеку кулаком, она со вздохом сказала:

– Это и к лучшему, что не пьете. Вот мой первый покойный муженек не просыхал совсем. Я его трезвым видела всего один раз. И то в день свадьбы, когда регистрироваться поехали. А потом... Умер-то он от того, что собственной блевотиной захлебнулся...

В соседней комнате слышалась слабая возня, скрип. Упало что-то тяжелое. Раздался чуть слышный стон, а затем равномерные, все нарастающие удары, смешанные с тонким попискиванием, начали сотрясать тонкую деревянную перегородку, разделявшую комнаты.

Ангелина прервала невеселое повествование, насторожилась.

– Господи, да что же это такое! – прошептала она.

Руки ее нервно забегали по столу. Вцепившись глазами в невозмутимо жующего старика, женщина нарочито громко продолжала рассказывать о своем втором супруге, бывшем ее нещадно, о третьем, гулявшем направо и налево...

Деревянная перегородка трещала, словно кто-то изнутри корежил ее ломом. С потолка посыпалась штукатурка. Казалось, еще несколько секунд таких усилий и начнет крошиться кирпич стен.

Нервы Ангелины не выдержали напора страстей, бушевавших в ее спальне. Она осеклась, быстро налила себе в рюмку и, залпом выпив очередные пятьдесят граммов, крикнула:

–Да, когда же они закончат, паразиты! Сил моих больше нет!

После очередного мощного толчка от верхнего угла перегородки отвалился тяжелый пласт извести, за стеной трубно охнули и, наконец, наступила долгожданная тишина.

–Кажется, все! – с облегчением, одними губами произнесла Ангелина и утерла платком влажный подбородок.

«Ой, что это у тебя такое! Что с тобой!» – донесся из-за перегородки дрожащий девичий голосок. Следом за этим невинным вопросом в соседней комнате раздался короткий низкий рык, от которого Ангелина мигом протрезвела и изменилась в лице. Дверь ее спальни распахнулась. Оттуда выбежал Двенадцатый. Старик поднял с пола саквояж, встал, бросив хозяйке скупое «нам пора», и, метнув на парня холодный взгляд, не прощаясь, вышел вон...

Старик и Двенадцатый миновали переезд, когда до их ушей долетел пронзительный женский крик. Двенадцатый остановился, обернулся. Его небесно-голубые глаза сделались вдруг фиолетовыми, затем коричневыми. Парень протянул в сторону домика правую руку, до хруста сжал кисть. Все его тело напряглось, лоб покрылся испариной. Он резко раскрыл побелевшую пятерню и одновременно с этим стекла в трех окнах неказистого жилища бесшумно, точно в немо кино, полетели наружу. Следом в освобожденные оконные проемы изнутри рванулось пламя, в считанные секунды охватившее кирпичное строение огненными клещами. Не прекращавшийся женский крик перешел в вой, который вскоре оборвался.

–Почему ты это сделал? – спросил старик Двенадцатого, со звериным блеском в глазах созерцавшего догорающее пепелище.

–Она была слишком настойчивой... Она сама виновата. И еще... она увидела это...

Выражение на лице старика неожиданно изменилось. С тревогой в голосе он выдал из себя:

–Что ж, истина выше мелких обстоятельств. Ты прав. Я рад, что ты уже кое-чему у меня научился. Но, помни, что следует быть очень осторожным. Пока еще не пришло наше время...

Развернувшись, они двинулись дальше. Легкий ветерок щекотал им ноздри слабым запахом гари. Наконец, обугленный домик и переезд исчезли за поворотом, и железнодорожная насыпь стремительно начала расти вверх. Минут через пятнадцать в наступивших сумерках показались очертания того самого «стратегического объекта», о котором рассказывала теперь уже покойная Ангелина. Двенадцатый надел пиджак, застегнул его на все пуговицы. Старик, не оборачиваясь, спросил его:

–Ты чего-то боишься?

–Нет. Я же с тобой!

Старик поднял над головой руку, указательный и средний палец которой показывали латинскую букву «V». Парень ответил тем же. Они ускорили шаг...

Учуяв что-то, холеная немецкая овчарка охранника забеспокоилась и принялась скрести когтями дверь сторожки. Охранник отставил чашку с недопитым кофе, перекинул автомат на грудь и, взяв пса на поводок, вышел на улицу.

В первые секунды он ничего подозрительного не замечал. Однако овчарка продолжала нервничать. Она оскалила желтоватые клыки, шерсть на ее загривке поднялась и пошла волнами. Но вот и охранник, наконец, услышал приглушенное постукивание камней. Он снял автомат с предохранителя и положил палец на спусковой крючок. А вдруг медведь!.. Прошедшей весной оголодавший шатун задрал корову в соседней деревне. А летом его, якобы, видели

на окраине города в лесопарковой зоне. Поведение хорошо выдрессированной собаки удивило охранника и навело на мысль, что это вполне мог быть какой-нибудь крупный зверь.

Постукивание усилилось. Овчарка рванулась вперед, но крепкая рука хозяина и прочная цепь удержали ее.

–Сидеть! – шикнул на нее охранник и сам присел на корточки, пристально вглядываясь в темноту.

В фиолетовых сумерках вначале размыто, а затем все более отчетливо проступали очертания двух человеческих фигур. Охранник облегченно вздохнул, потрепал возбужденную собаку по спине и, встав в полный рост, негромко крикнул:

–Эй, кто там!

Ответа не последовало. Незнакомцы приближались молча.

Наконец охранник смог разглядеть ночных путников – худого старика и молодого мужчину. Охранник шагнул к ним навстречу. Его собака снова испытала на прочность поводок, залившись злобным лаем.

–Да, замолчи ты! – пнул ее в бок сапогом охранник, а незнакомцам скомандовал миролюбиво:

–Стой! Кто идет?!

–Мил человек, – отозвался старик. – Нам бы в город попасть.

–В город? – удивился охранник. – Вы знаете, сколько до города километров!

–Знаем, мил человек! Но нам очень надо туда попасть, – просительно лепетал старик.

–Садитесь на поезд и езжайте. Через мост пешими я не могу вас пропустить. Таков порядок.

–А если мы, все же, нарушим этот порядок? – в голосе старика блеснула сталь. – Ведь не бывает правил без исключений!

–Только не для меня! – отрезал охранник. – Поворачивайте обратно! Иначе я буду вынужден вас задержать!

Почувствовав, как изменилось отношение хозяина к чужакам, овчарка, натянув поводок до предела, вскочила на задние лапы и клацнула пастью перед носом старика. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Обнажив безупречно белые зубы, он процедил, обращаясь к Двенадцатому:

–Какие злые люди бывают на свете! Очень жаль, очень жаль... А ведь все могло быть иначе!

Старик вздохнул, подошел к перилам моста и глянул вниз. Охранник не сводил глаз с подозрительных незнакомцев. Теперь только он заметил, что те не имели обуви, и это обстоятельство еще более его насторожило. Он обернулся и поглядел на дощатую сторожку, в которой находился телефон. Охранник прикидывал: стоит ли сообщать о данном инциденте или будет разумным не поднимать лишней шумихи.

На пульте связи, который был хорошо виден охраннику, загорелась красная кнопка – с противоположной стороны моста его вызывал напарник для очередного доклада. Охранник сделал инстинктивное движение в сторону сторожки, и на секунду потерял из поля зрения незваных гостей. В тот же миг старик, опершись руками о перила, молодецки перемахнул через них и полетел в реку. Его спутник бросился на охранника. Вернее, так тому показалось. Охранник отпустил поводок и вскинул ствол автомата, но парень, ловко увернувшись от острых собачьих клыков, запрыгнул на мостовое ограждение и, на какое-то мгновение застыв, обернулся. От его прощальной улыбки волосы шевельнулись у охранника по кепи. Не успел он прийти в себя, как молодой незнакомец полетел вниз вслед за стариком.

К реальности охранника вернул басовитый гудок приближавшегося на огромной скорости локомотива. Мужчина с автоматом отпрыгнул в сторону и кликнул замешкавшуюся на путях овчарку. Та заметалась, жалобно заскулила. Яркий свет фонарей электровоза ослепил

ее, и следом за этим рокочущая махина накрыла несчастную псину. Не в силах видеть, как его любимца перемалывают бешено вращающиеся колесные пары, охранник что было сил зажмурился.

Дрогнули опоры, заскрежетали заклепки ферм – грузовой поезд влетел на мост. Внезапно режущий слух и ледяющий душу звук прорвался сквозь грохот проходящего состава. К своему ужасу охранник ощутил, как тело моста просело и накренилось. Послышались беспорядочные сухие хлопки. Мужчина открыл глаза. От увиденного у него перехватило дыхание: стальные заклепки, крепившие громоздкое инженерное сооружение, точно пробки из-под шампанского, вылетали вон из своих отверстий. Безупречно прямая нить состава выгнулась. Равномерный перестук колес превратился в скрежет и из-под вагонов полетели искры. Охранник метнулся к деревянной будке, в надежде сообщить напарнику об аварии, и едва не провалился в огромный пролом. Впереди, за бетонной опорой, очередного мостового пролета уже не было. Вагоны один за другим ныряли в черную пустоту. Что-то тяжелое и раскаленное ударило охранника сзади. Неприятно хрустнул его крестец, однако боли мужчина не почувствовал. Он с сожалением понял, что стремительно падает вниз...

Последнее, что увидел охранник, было бурлящее озеро крови с бешено вращавшейся воронкой посередине, в самый центр которой он летел...

***

Продавец антикварного магазина «Лавка древностей» с плохо скрываемым раздражением наблюдал за молодой женщиной, вот уже битых полтора часа перебиравшей его раритеты. Ей, как она выразилась, хотелось подобрать в новую квартиру нечто, придавшее бы неповторимый шарм и особую изысканность уютному семейному гнездышку. Судя по всему, женщина не была стеснена в средствах. Первой, на чем остановился ее ищущий взгляд, лишь только она пересекла порог «Лавки древностей», стала часть походного чайного сервиза императора Павла I. Сервиз, выполненный из тончайшего китайского фарфора, стоил ни много, ни мало, а восемнадцать тысяч евро! Этому сервизу впору было оказаться на каком-нибудь аукционе, а не пылиться долгие годы за стеклянной витриной магазина.

Женщина, узнав, кому принадлежал сей шедевр китайских мастеров, пришла в неописуемый восторг. Продавец уже потирал ладони, предвкушая скорое избавление от залежалого дорогого товара. Однако придирчивая дама, внимательно осмотрев сервиз, обнаружила, что у двух чашек отколоты ручки, крышка прекрасной перламутровой сливочницы имеет трещину, а одно блюдо склеено.

Как ни пытался мужчина, стоявший за прилавком, объяснить женщине, что столь хрупкий материал, как фарфор, не может сохраниться на протяжении двух столетий в первозданном виде, та наотрез отказалась покупать сервиз.

Отвергнув бракованный товар, дама заинтересовалась позолоченным подсвечником из дореволюционного храма Христа Спасителя, затем долго разглядывала глиняную амфору, поднятую со дна Эгейского моря...

Монеты времен Людовика XV, кавалерийская шашка, граммофон, серебряный портсигар адъютанта Его превосходительства генерала Юденича, библия издания одна тысяча шестьсот пятнадцатого года – все эти вещи прошли через маленькие цепкие ручки, искавшие «нечто». Раздраженный продавец в сердцах посоветовал женщине покопаться в Эрмитаже или посетить музей истории Египта в Каире, на что та отреагировала весьма необычно, искренне и с радостью поблагодарив мужчину за хорошую идею.

Продавец нетерпеливо поглядывал на настенные часы. До закрытия магазина оставалось пятнадцать минут, которые он надеялся с достоинством выдержать.

Тренькнул серебристый колокольчик, висевший над стеклянной входной дверью. На пороге появился сухопарый, старомодно одетый старик, державший в одной руке плащ, а в

другой саквояж. Посетитель рассеяно огляделся и, потоптавшись на месте, точно вытирая ноги, направился к одному из стеллажей, на котором были выставлены средневековые гравюры.

Женщина, тем временем, самозабвенно щебетала об ауре, какую несут с собой старинные вещи, о непреходящих ценностях, и о вечно занятом на работе муже, создавать уют для которого, являлось для нее главной обязанностью. Желая дать понять, что она зря отнимает драгоценное время, мужчина-продавец вытянул шею и, обращаясь к новому посетителю, громко поприветствовал его:

–Здравствуйте, уважаемый! Что вы ищите?

Женщина тот час прервала свой монолог и обиженно поджала пухлые лепестки губ. Старик безразличным взглядом скользнул по лицу продавца, подошел к прилавку и нагнулся.

–Вас что-то заинтересовало? – повторил продавец свой вопрос, краем глаза наблюдая за обидевшейся женщиной.

Старик не ответил и, сделав шаг в сторону, вплотную приблизился к женщине. Та, безглаголиво сморщив маленький нос-картошку, обмерила его взглядом с головы до ног.

–Фи! – коротко сказала она, прикрыв нос платком, развернулась, стукнув острыми каблучками, и, покачивая полными бедрами, направилась к выходу.

–Может, я вам чем-нибудь помогу? – вновь спросил продавец неразговорчивого старика, когда серебряный колокольчик звякнул за ушедшей женщиной.

Старик, ткнув пальцем в стекло прилавка, сухо бросил:

–Мне вот эту книгу.

Продавец засуетился, приподнял крышку стеллажа и, бережно вынув запыленный фолиант, подал старику.

–Это редчайший экземпляр! – с любовью глядя на книгу, произнес он. – Выпущен в одна тысяча девятьсот двенадцатом году. Прекрасный переплет и великолепное качество бумаги. А шрифт!.. Вы посмотрите только, какой шрифт! Мне известно, что было издано не то одиннадцать, не то двенадцать экземпляров этой книги...

–Тринадцать, – тихо поправил продавца старик, разглядывая книгу в деревянном, потрескавшемся от времени переплете. На лицевой его части было вырезано рельефное изображение, напоминавшее ритуальную шаманскую маску.

–Что вы сказали? Тринадцать?! – удивился продавец. – Откуда вам известно?

Старик положил желтоватую морщинистую ладонь на маску и, закрыв глаза, начал декламировать:

–...небытие, мрак, зло... Разве в самых темных и дальних уголках твоего подсознания не сохранились воспоминания об этом блаженном состоянии? Вот он настоящий рай! Вот оно естество! Разве ты не помнишь себя, как абсолютное сознание, сжавшееся до размеров атома, заполнившего всю Вселенную?..

–Вы знаете содержание книги наизусть! – изумился продавец. – Но, откуда? Ведь другие экземпляры утеряны!

Старик снисходительно улыбнулся:

–Я беру ее у вас.

Он раскрыл саквояж, порылся в нем, а затем положил перед мужчиной золотой слиток, величиной со спичечный коробок.

–Этого будет достаточно? – спросил он мужчину, ошалевшего от вида драгоценного металла.

–Д-да!.. Но здесь слишком много! Это книга столько не стоит!.. Может вам ее завернуть?

Старик учтиво поклонился и упрятал покупку в саквояж.

–Не нужно. Благодарю вас!

–Погодите! Позвольте еще один вопрос? – крикнул вслед уходившему незнакомцу продавец. – Зачем вам эта странная книга?

Старик остановился и через плечо посмотрел на продавца. Тому вдруг сделалось неловко от столь бестактного вопроса, выходявшего за пределы его торговой компетенции, и от того, что он назвал книгу «странный». Мужчина развел руками, а старик ответил:

– Это мой подарок...

Сквозь широкие стекла витрины продавец разглядел, как странный покупатель подошел к молодому парню, терпеливо ожидавшему его у газетного киоска. Они обнялись, что-то сказали друг другу и, повернувшись, скрылись за углом.

Продавец рассеянно потер горячий лоб. Ему показалось... Впрочем, всякая ерунда лезет в голову под конец напряженного трудового дня. А может, так оно и было на самом деле?.. Во всяком случае, он отчетливо видел пальцы на ногах старика, когда тот выходил из магазина. Раз так, то получается, что на нем не было обуви? Действительно, ерунда...

Продавец хмыкнул, пожал плечами, сунул золотой слиток в карман куртки и закрыл кассу на ключ.

Глава 1

Ночь в городе выдалась холодной и ветреной. Прошедший совсем недавно обильный дождь посбивал с деревьев уже пожухлую омертвевшую листву, и та теперь плавала в огромных зеркалах воды, блестевших под желтым светом уличных фонарей. Запоздалые прохожие, подняв воротники плащей, закутавшись в куртки и свитера, спешили в свои теплые уютные квартиры. Редкие машины проносились по улицам в белесых веерах брызг. А ветер громыхал черепицей крыш, скрипел стволами деревьев, подвывал и скулил в пустынных подворотнях, сквериках и дворах.

Не обращая внимания на непогоду, влюбленная юная пара сидела на скамейке в мрачном и запущенном палисаднике, находившемся рядом со старым приземистым, из потемневших от времени бревен, двухэтажным зданием, вот уже как пятьдесят лет служившим приютом для детей-сирот и «отказников».

Он, положив руку ей на талию, нежно целовал прохладные щеки девушки, нашептывал в перерывах между поцелуями милые непристойности. Она застенчиво похохатывала, трясла кудрявой головкой и вяло уворачивалась от приятных для нее приставаний. Когда его рука осторожно пробралась к девушке под шелковую блузку, та внезапно отпрянула и, посмотрев в глаза парню пристальным взглядом, таинственно спросила:

– Ты веришь в привидения?

От такого вопроса, показавшегося ему сейчас неуместным, парень прыснул в кулак и, отвернувшись, сдавленно расхохотался.

– Чего это ты вдруг? – наконец смог выговорить он.

– А в оживших мертвецов?

Парень нелепо улыбнулся:

– Тебе не нравится то, что я делаю?

– Да, нет же! Я серьезно тебя спрашиваю!

– Никогда об этом не думал.

– Не кажется тебе, что эта ночь и есть ночь оживших мертвецов?

– Ты так считаешь? – парень нахмурил черные дуги бровей. – Может ты и права. Скорее всего, ты права! Ты знаешь, – он перешел на тревожный шепот, – мне все чудится, что во-он из тех кустов за нами кто-то наблюдает. Смотри, – парень выбросил вперед руку, – чьи-то глаза горят!

Девушка вздрогнула и боязливо оглянулась.

– Это вампи-ир! – прошипел парень в растяжку и, запрокинув голову, вполголоса завыл.

– Дурак! – обиделась она, неловко ударив парня по плечу. – Я же серьезно, а ты...

Он вновь рассмеялся, крепко обнял девушку, заботливо укрыл пиджаком ее спину от хлеставших порывов ветра.

«Спят уста-алые игру-ушки, книж-ки спят...», – запел он фальцетом, поглаживая прижавшуюся к его груди девичью головку.

–Да ты весь дымом пропах! – удивленно воскликнула она, обнюхивая одежду своего друга.

–С чего ты взяла?

–Я же чувствую Гарью, так и несет!

Парень повел носом:

–Кажется, что-то горит.

Девушка подняла голову, вздрогнула, а затем вскрикнула, показывая на здание приюта:

–Пожар!

Парень обернулся. Сердце его учащенно забилося от увиденного – за наглухо закрытыми окнами особняка плясали оранжевые языки огня. Горели оба этажа, и желтоватый дым тонкими струйками просачивался сквозь отверстия в рамах, надежно прикрытых ажурными решетками, и слуховые окна на ржавой крыше. Уже слышались легкие хлопки и потрескивание.

–Бежим! – дернул он девушку за рукав и первым бросился к горевшему дому...

Через пролом в деревянном заборе они проникли на территорию приюта. Не дойдя до здания нескольких метров, молодые люди почувствовали, как жар обдаёт их лица. В два прыжка парень добрался до двери и, что было сил, принялся в нее колотить:

–Откройте! Есть кто живой!?

Девушка подняла с земли кусок кирпича, хорошенько размахнулась и швырнула его в окно над козырьком крыльца. От меткого броска стекло разлетелось и пламя – мощное, бьющее, словно из сопла газовой горелки – рванулось наружу, озарив лужайку перед домом и часть палисадника беспокойным светом. Парень, инстинктивно заслонив лицо рукой, кубарем скатился с крыльца в мокрую и грязную траву.

–С тобой все в порядке? – склонилась над ним подоспевшая подруга.

–Кажется, да...

Когда они оказались на безопасном расстоянии, парень дрожащей рукой вынул из кармана мобильный телефон.

–Черт, разряжен! – воскликнул он, сокрушенно.

–И у меня, – едва не плача пробормотала девушка, глядя темный безжизненный дисплей, после чего робко предположила: – Может быть в доме никого и нет?

–Это исключено! Там дети. Я видел вчера, как они играли во дворе приюта. Там много детей!

–Но почему ни кто не откликается? Не могли же они все в одночасье...

Парень прикрыл ей рот ладонью и глухо пробормотал:

–Только не это...

Они переглянулись и, не сказав друг другу ни слова, поняли, что надо делать дальше...

В трех подъездах соседнего дома двери оказались закрытыми на кодовые замки. В первой квартире четвертого подъезда, куда пытался достучаться парень, их послали очень далеко. Хозяева следующей квартиры пригрозили, что натравят на них собаку-людоеда, затем пообещали спустить с лестницы, сломать шею и выдернуть ноги...

Лишь обойдя два этажа, молодая пара наткнулась на пьяное бесполое создание, согласившееся за бутылку водки вызвать пожарных...

В считанные минуты к полыхающему детскому дому прибыло пять пожарных расчетов и три машины «Скорой помощи». Бойцы, одетые в серебристые жаростойкие костюмы развернули шланги, баграми, ломami и топорами взломали двери и, вырвав решетки-преграды,

выставили несколько оконных рам. Почувявший свободу огонь полыхнул с новой силой. Но вот уже упругие водяные струи пронзили его и огромные клубы пара, освещаемые прожекторами машин, устремились в бездонное черное небо.

Воспользовавшись временным отступлением огненной стихии, пожарные в противогазах один за другим стали нырять в закопченное и раскаленное жерло дома. Неожиданно гул работающих моторов перекрыл истошный женский крик:

– Господи, да спасайте же их!..

Неизвестно кто и когда успел в этой неразберихе позвонить заведующей приютом, и теперь она с опухшим ото сна блеклым лицом, небрежно одетая и наскоро причесанная бегала вокруг машин и голосила на всю округу. Старый усатый капитан в фуражке набекрень и засаженном форменном темно-синем костюме безуспешно пытался остановить ее и хоть как-то успокоить, но та ловко уворачивалась, точно играла с ним в «кошки-мышки».

– Семьдесят пять ребятишек! – голосила она, истерично хлопая себя по коленям. – Семьдесят пять малюток не проснулось! Горе, какое горе!..

Раздался оглушительный треск, и крыша здания стремительно осела. Один из прибывших врачей со вздохом махнул рукой и залез в «неотложку» – надежд спасти кого-либо из этого адового пекла больше не оставалось.

«Несут!» – вдруг крикнул кто-то. Доктор глянул в боковое стекло. На тлеющем крыльце здания возник человек в серебристом костюме. Перед собой он держал что-то завернутое в дымящийся брезент. Сразу несколько медиков подбежали к пошатывающемуся спасателю, забрали у него еще горячую ношу и унесли в «Скорую»...

А воображение врача уже рисовало страшную картину: обугленное детское тельце, потеки расплавленной кожи на искаженном страданием лице и ледяющий душу детский хрип, вырывающийся из беззубого рта...

Дрожащими руками он развернул брезентовый кулек и... не поверил своим глазам. На откидной автомобильной кушетке сладко дремал совершенно невредимый четырехлетний малыш. Почувствовав прикосновение прохладных пальцев, он открыл глаза и испуганно посмотрел на доктора...

В течение следующих тридцати минут остальные семьдесят четыре обитателя приюта были эвакуированы из здания. Ни на одном из них врачи не обнаружили ожогов.

Последним под руки выволокли в стельку пьяного сторожа. Он страшно матерился и требовал денег, обещая сбегать в магазин и выпить со всеми за спасение...

Еще полтора часа пожарные заливали водой и пеной бесформенные головешки. До самого утра заведующая приютом бродила по пепелищу, стаскивая на лужайку, превратившуюся за ночь в топкое болотце, уцелевший казенный инвентарь. Самым неприятным для нее стало то, что полностью сгорел архив детского дома. В нем хранились документы на детей, поступавших сюда на протяжении всех пятидесяти лет его существования.

***

Мужчина наклонился над раковиной и, зачерпнув пригоршню теплой воды, плеснул себе в лицо, смывая мыльную пену. Фыркнув и потрянув головой, он промокнул мягким пушистым полотенцем посвежевшую после бритья кожу и с удовольствием посмотрел на себя в зеркало. В запотевшем стекле отражался обнаженный по пояс розовощекий пятидесятилетний крепыш, улыбавшийся двумя рядами безупречных зубов. Мужчина провел ладонью по шее, подбородку. Его пальцы ощутили у мочки уха легкое покалывание крошечных, но жестких волосков.

«Непорядок», – пробормотал он и взял в руку лезвие опасной бритвы. Он всегда пользовался именно опасной бритвой. «Это инструмент для настоящих мужчин», – таково было его твердое убеждение, которому он никогда не изменял.

Любимая бритва стала его первым трофеем, конфискованным у матерого рецидивиста. Тридцать лет назад, тогда еще совсем зеленому младшему оперуполномоченному уголовного розыска Сашке Красникову довелось принимать участие в задержании преступника, хладнокровно вырезавшего всю семью известного ювелира и похитившего из его квартиры ценностей на несколько десятков тысяч «советских» рублей. В ту холодную ноябрьскую ночь Сашка едва не получил этим самым лезвием по горлу. Его спас меховой воротник куртки...

Быстро пролетели годы, подполковник Красников вышел в отставку, однако бритва, едва не лишившая Сашку жизни, всегда оставалась с ним – в командировках, на даче, в отпуске...

Мужчина с любовью взглянул на поблескивавшее в неярком свете лампы остро отточенное лезвие, оттянул пальцами кожу у основания уха и поднес бритву. Уверенное, отработанное годами движение и... В первые секунды Красников ничего не почувствовал. И лишь когда он увидел в зеркале сочно-красную полосу, прочертившую наискосок его скулу, дала знать о себе тупая пульсирующая боль. Теплая торопливая струйка ринулась вниз по шее, груди, застревая в рыжеватых колечках волос и оставляя на них гранатовые росинки.

В соседней комнате зазвонил телефон. Красников сдернул с крючка мокрое полотенце, бросил окровавленное лезвие в фаянсовую чашу умывальника и, чертыхаясь, поспешил к аппарату.

–Александр Павлович! Как жизнь? Как внучка? Что на личном фронте? – загромыхали в трубке раскаты бодрого уверенного голоса.

В звонившем Красников сразу узнал майора Лепова – своего ученика, в неполные тридцать пять лет уже руководившего одним из отделов областного УВД.

–Привет, Витек! – с плохо скрываемым раздражением ответил Красников, прижимая к щеке напитавшееся кровью полотенце.

В трубке повисло недоуменное молчание, а затем голос, теперь уже серьезно спросил:

–Что-то случилось, Палыч?

–Да, понимаешь, какая незадача! Четвертый десяток бреюсь одной и той же бритвой, а сегодня вдруг порезался! – прорвало Красникова. – В первый раз, да еще в такой день, черт побери! Внучке Лизочке сегодня два годика. На день рождения идти с таким лицом!..

В трубке с облегчением вздохнули:

–Александр Павлович, шрамы украшают мужчину! Да и женщины сильнее любить будут...

–Как вшивый про баню, так ты все о женщинах!

–Куда же от них деться, Палыч!

–Действительно, тебе от них никуда не деться. Я забыл, ты женат во второй или в третий раз?

–Обижаете, Александр Павлович! – самодовольно запел Лепов. – Маринка у меня четвертая!

Красников удивленно крякнул:

–Это сколько же у тебя на алименты уходит?

–Ровно половину от своих кровных отстегиваю.

–Да, не густо остается.

–Нам хватает. Жена то у меня в банке работает... Палыч, я вот по какому вопросу тебя беспокою, – соскочил со щекотливой темы Лепов. – Сегодня же у твоей внучки день варенья? Я хотел для нее подарок сделать.

–Спасибо, Витек, что не забыл!

–Не стоит благодарностей. Могу я к тебе заехать через часок?

Красников взглянул на часы, задумался, потрогал все еще кровоточащую рану, с досады причмокнув губами.

–Давай сделаем так, – наконец ответил он. – Сейчас я себя приведу в порядок и сделаю вылазку в город за покупками. В двенадцать ноль-ноль я у тебя в кабинете. Идет?

–Идет! – охотно согласился Лепов. – Буду ждать...

Красников смыл со щеки запекшуюся кровь, залепил рану пластырем, надел костюм-тройку и, вынув из кармана портмоне, пересчитал купюры. На подарок Лизе должно было хватить. Девчушка давно бредила огромной механической игрушкой – плюшевым медведем-пандой, как-то случайно увиденным ею в одном из магазинов. Сегодня Александр Павлович собирался осуществить мечту своей любимой и единственной внучки.

Впрочем, двухлетняя Лиза не являлась Красникову внучкой в точном значении этого слова. Мама девочки – красавица Анжела – приходилась Александру Павловичу племянницей. Когда Анжеле исполнилось семнадцать, в авиакатастрофе погибли ее родители. Девушка в одночасье осталась круглой сиротой, без средств к существованию, без образования и работы. Бездетные Красников со своей, теперь уже покойной, супругой Екатериной Ивановной взяли на себя все заботы об устройстве дальнейшей судьбы Анжелы. Александр Павлович помог ей поступить в университет на юридический факультет, по окончании которого нашел племяннице работу в престижной адвокатской конторе.

Месяцами Анжела жила у Красниковых и те, всегда принимавшие ее как собственного ребенка, ласково называли девушку «доченька». Красников был весьма строг с Анжелой и одновременно безумно любил это скрашивавшее их одинокую жизнь хрупкое и веселое создание, год от года превращавшееся в прекрасного лебедя.

Настало время и у Анжелы появились поклонники. Александр Павлович злился, требовал от нее полного отчета о проведенном времени: где, когда, с кем – одним словом вел себя, как ревнивый и взбалмошный отец. Хотя в глубине души он оставался спокоен, так как не видел ни в одном из часто менявшихся ухажеров племянницы серьезного претендента на руку и сердце девушки.

И вот в один прекрасный для Анжелы и ужасный для Александра Павловича день все изменилось. Изменилась и сама Анжела. Ее девичья беззаботность куда-то исчезла. Анжела вдруг стала серьезной, в ее глазах появилась радостная грусть, от которой Красникову становилось не по себе. Он понимал, что является свидетелем рождения женщины...

Ни Красников, ни Екатерина Ивановна долгое время не могли увидеть виновника своих волнений. При появлении Александра Павловича что-то лепетавшая возлюбленному в телефонную трубку Анжела быстро умолкала и переходила в соседнюю комнату. Единственное, что сумели разузнать Красниковы за полгода тайных свиданий племянницы, так это имя ее друга – Максим.

–Какое неблагозвучное имя! – восклицал Александр Павлович, сидя в кресле со свежей газетой и озабоченно поглядывая на будильник, показывавший четверть второго ночи.

–Ты прав. Отталкивающее имя! – поддерживала его из кухни Екатерина Ивановна. – Я слышала, что плохие имена портят человеку его судьбу.

–И нервы окружающим, – недовольно бурчал Красников и, отложив газету, озабоченно спрашивал жену: – Ну и где же она в такой час может быть?..

Они ложились спать с тупой головной болью, ноющим сердцем и беспокойной душой, обставленные со всех сторон каплями, таблетками и порошками.

А Анжела приходила под утро. Тихо, как монастырская мышка, проскальзывала она в отведенную ей комнату и отсыпалась до полудня. К обеду она появлялась за столом похорошевшая, отдохнувшая, с неизменной светлой грустью в карих, чуть раскосых глазах. Красниковы заседали на нее с кучей бессмысленных для двадцатичетырехлетней девушки вопросов, на которые та лишь добродушно улыбалась.

Как-то летним воскресным вечером Красниковы, утомленные долгой дорогой и упорным трудом на кровных шести сотках, вернулись домой. Из комнаты Анжелы доносились тихие голоса. В одном из них Александр Павлович без труда узнал голос любимой племянницы. Другой же принадлежал мужчине. Сердце Красникова неприятно екнуло. Они с женой переглянулись, осторожно поставили на пол ведра с первым дачным урожаем и подкрались к неплотно прикрытой двери. Александр Павлович понимал, что подслушивать нехорошо, но в ту минуту он, не задумываясь, перешагнул через все правила хорошего тона и приличий.

Голоса за дверью умолкли. Было слышно, как Анжела хихикнула и громко сказала:

–Дядя, вы уже приехали? Заходите к нам!

Лицо Екатерины Ивановны покрылось пунцовыми пятнами, а Красников, виновато вздохнув, толкнул дверь.

–Познакомьтесь, это Максим – мой друг, – представила гостя Анжела, кивнув на статного широкоплечего парня, скромно сидевшего за письменным столом перед раскрытыми альбомами с семейными фотографиями.

Максим встал и протянул руку. Александр Павлович сдержанно кашлянул, окинул подозрительным взглядом племянницу и, не ответив на приветствие парня, скупое предложил:

–Идемте пить чай...

Их первое совместное чаепитие оказалось на редкость мрачным. Тягостная тишина распирала просторную светлую кухню, словно они сидели за поминальным столом. Анжела делала слабеющие раз от раза попытки разжечь беседу, щебеча о работе, предстоящем судебном процессе, в котором она участвовала в качестве адвоката и надеялась его выиграть, и о новом вечернем платье, присмотренном ею в прошлые выходные.

Красниковы, словно набрав в рты воды, молча кивали и усердно выдували из чашек пар. Максим, потупив грустные глаза, ковырял пальцем пластик стола. Он понял, что столь важное для него знакомство с родственниками Анжелы не состоялось. Допив свой чай и съев из вежливости предложенное ему девушкой пирожное, он ушел.

Проводив друга, Анжела вернулась на кухню и, сев напротив Красниковых, вопросительно уставилась на Александра Павловича. Дядя метнул на племянницу гневный взгляд и, не сказав ни слова, удалился к себе в комнату.

А Екатерина Ивановна принялась шепотом успокаивать и подбадривать расстроенную Анжелу...

Неугомонный же Александр Павлович в тайне от жены и от племянницы развил бурную деятельность. Подключив своих бывших коллег по службе «в органах», Красников принялся настойчиво наводить справки о Максиме, в надежде найти какой-нибудь компромат на друга Анжелы. Вскоре он выяснил, что Максим Николаев, начинающий бизнесмен с высшим экономическим образованием, владеет собственной, хотя и небольшой, строительной фирмой. Ему двадцать семь лет. Ни разу не был женат. К спиртному равнодушен, не курит. Проживает в отдельной двухкомнатной квартире в центре города. Увлекается теннисом и горными лыжами. Как говорится: не был, не состоял, не привлекался и далее в том же духе. Чем глубже Красников копался в биографии Максима, тем ниже падал его энтузиазм «вывести нахала на чистую воду и показать Анжелочке его истинное лицо».

Лишь одна страница прошлой биографии ни как не открывалась Александру Павловичу. Для него оставалось совершенно неясным, где он родился и кто были его родители. Наконец, тогда еще капитан Лепов нашел в областном архиве маленькую пожелтевшую бумажку, проливавшую слабый свет на самое начало недолгого жизненного пути Николаева. Александр Павлович не поленился лично проверить полученную информацию, однако и после этого вопросов меньше не стало.

Вскоре события окончательно вышли из-под контроля Красниковых. Анжела с Максимом объявили им, что женятся и торжественно вручили родственникам пригласительные билеты на собственную свадьбу.

Отгремели торжественные звуки марша Мендельсона. Свадебное платье невесты было упрятано в шкаф. Анжела переехала к Максиму. Через полтора года родилась Лиза. Дела Николаева быстро пошли в гору. Анжела оставила карьеру адвоката и всецело посвятила себя семье. Александр Павлович, к тому времени похоронивший жену, забыл о своей прежней неприязни к зятю, и лишь иногда с чувством неприятного щемящего стыда выплывала в его памяти история с поиском «компромата» на Максима...

В отделе игрушек перед Красниковым стояла небольшая очередь – молодой парень с красочной коробкой «Lego» под мышкой и две женщины с большими авоськами в загорелых жилистых руках. Женщины о чем-то оживленно судачили, повернувшись лицом друг к другу. «Сгорело... Детишки... Ночью... Все дотла...», – долетали до слуха Красникова обрывки фраз. Александр Павлович приблизился к женщинам – его заинтересовал их разговор. Вскоре он понял, что речь шла о каком-то пожаре, случившемся прошедшей ночью.

–Простите, – вклинился в негромкую беседу Красников. – Вы случайно не знаете, что сгорело?

–Детский дом, – не оборачиваясь, ответила женщина, стоявшая к нему спиной.

–Это который? – уточнил Красников.

–Что у Центрального парка.

–Тот самый!..

Женщина недоуменно посмотрела на показавшегося ей странным мужчину с пластырем на щеке и вновь обратилась к своей собеседнице...

Расплатившись за покупку, Красников вышел на улицу. Яркое солнце слепило глаза. Дул теплый легкий ветерок. День обещал выдаться на редкость погожим. Красников подумал, что не мешало бы всей семьей вечером отправиться на пляж. Да и Лепова стоило прихватить. Если только тот не занят с очередной подружкой.

Красников открыл дверцу своей старенькой, но надежной «копейки», бережно положил на заднее сиденье забавного медвежонка, устроившись за рулем, пристегнулся и повернул ключ зажигания. К его изумлению машина ни как не отреагировала. Александр Павлович попытался еще раз оживить старушку, однако автомобиль безмолвствовал. Красников чертыхнулся, озабоченно глянул на часы и уже собирался было выйти, чтобы разобраться в причине поломки, как вдруг «Жигули» вздрогнули и мотор, вначале неровно, но затем все более уверенно заработал.

–Кляча старая! – в сердцах стукнул Красников ладонью по рулю, осторожно выжал сцепление, включил «первую» скорость и плавно надавил на педаль «газа»...

Тихонько похрипывала магнитола. Одна из местных радиостанций передавала сообщение о случившемся ночью пожаре в приюте для детей-сирот. Красников прибавил скорость. Впереди у перекрестка на светофоре загорелся красный сигнал. Александр Павлович, не останавливаясь, а лишь немного сбавив скорость, огляделся. Дорога была совершенно свободна.

«Проскочу!» – решил Красников.

Не дожидаясь разрешающего сигнала, «копейка» Красникова рванула вперед...

Александр Павлович почувствовал что-то неладное, когда его «ласточка-кляча» оказалась в самом центре перекрестка. Чья-то тень набежала на его лицо. Красников ощутил непривычную прохладу, от которой помимо воли затряслись его руки. Он посмотрел влево и словно окаменел. Все последующее происходило с ним точно в замедленной киносъемке.

Огромная плоская и ребристая морда неизвестно откуда взявшегося тягача, доверху набитого лесом, надвигалась на «Жигули» Красникова. Александр Павлович изо всех сил нада-

вил на педаль «газа». Его нога свободно ушла вниз и уперлась в пол, однако машина от этого не прибавила скорости. Рев тягача оглушил Красникова. На какое-то мгновение он потерял ощущение реальности. Александр Павлович успел разглядеть лицо водителя, сидевшего высоко в кабине тягача – искаженное звериным оскалом и нечеловеческой яростью. Нет, такое лицо не могло принадлежать человеку. Эти глаза, нос, уши...

«Боже!» – взмолился от бессилия Красников.

Но вот уже по боковому стеклу побежали змейки трещин. Дверца со стороны водителя стала медленно входить в салон, сдвигая упиравшегося Красникова вправо. Александр Павлович услышал, как трещит обшивка салона. Он поднял глаза – под напором чудовищной силы, корежась и скрежеща, крыша автомобиля опускалась на него. Прошло еще мгновение, и Александр Павлович понял, что переворачивается вместе с тем, что осталось от его «копейки». Он ударился виском о боковую стойку и потерял сознание.

***

Кряхтя, старуха спустила с кровати отекавшие в фиолетовых пятнах ноги и, сделав еще одно усилие, встала. Привычно скрипнули половицы. Она подняла тяжелую непослушную ногу и с грохотом уронила ее на пол...

Старухой в интернате для престарелых и инвалидов ее звали все – от молоденькой медсестры до девяностолетнего деда, обитавшего в дальней комнате третьего этажа и уже второй десяток лет беззаботно мочившегося себе в штаны. Редкие седые волосы, собранные на затылке в пучок, одутловатое землистое лицо, расплывшееся бесформенное тело, вечно затянутое в дырявый грязно-зеленый халат и черепашья медлительность в движениях всех, кто ее видел, вводили в заблуждение относительно возраста этой женщины. Нелюдима, живущая в своем странном мире, она не имела в этом богоугодном заведении знакомых, чем за восемь лет пребывания в интернате породила о себе множество самых невероятных слухов. Лишь директриса – предпенсионного возраста яркая крашеная блондинка – знала, что старухе всего-навсего шестьдесят три года. Она не любила старуху, как, впрочем, и остальных обитателей вверенного ей интерната. Проработав почти тридцать лет в окружении ночных горшков, катетеров, испачканных простыней и дряблых беспомощных тел, эта эффектная незамужняя дама, только что испытавшая все страдания неизбежного климакса, выработала в себе стойкое отвращение к своим подопечным. Она никогда не обращалась к ним по имени, старалась как можно реже бывать в их затхлых каморках и лишь в периоды регулярных проверок вышестоящих инстанций напускала на себя сладчайшее благодушие и вселенское милосердие.

Больше всего в этой старухе ее раздражали странности, не поддававшиеся объяснению и которые можно было списать лишь на старческое слабоумие.

Старуха, не имевшая часов, каждое утро вставала в шесть тридцать и принималась топтать своими слоноподобными ногами по скрипучим доскам пола, доставляя тем самым невероятные страдания соседям снизу. Прodelав таким образом полчасовую зарядку, она отправлялась в столовую на завтрак, вернувшись после которого до самого обеда рисовала. Рисовала она на всем, что попадалось под руку: на клочке газеты, рулоне туалетной бумаги, упаковке из-под кефира и даже на обоях. Изображала старуха всегда одно и то же: неуклюже страшную (и от этого смешную) рожицу с непропорционально большим ртом, узкими заштрихованными глазами и маленькими ослиными ушками.

Как ни старались медсестры и сиделки отучить ее от привычки пачкать своими шедеврами все вокруг, старуха упорно занималась настенной живописью. Однажды, спустя месяц после очередного ремонта (в аккурат перед очередной комиссией), в комнату к старухе заглянула директриса и обомлела. Лицо ее вытянулось переспелым огурцом. Взору хозяйке интерната предстала стена и прилегающая к ней часть пола, испещренные рисунками на знакомый сюжет. Директриса в бешенстве накинулась на свою подопечную и от души поколотила ее. После этого она обыскала немногочисленные пожитки старухи, конфисковав все, что

могло каким либо образом оставлять следы: поломанный карандаш, гнутый стержень, огрызок помады и даже бутылек с засохшим лаком для ногтей.

От такого самоуправства старуха пришла в тихую ярость и впервые за долгие годы что-то пробормотала сквозь стиснутые зубы.

Директриса была настолько этим удивлена, что, растерявшись, спросила:

–Что? Вы что-то сказали?

Старуха демонстративно отвернулась к запыленному окну. Мясистые плечи ее вздрогнули – она беззвучно рыдала.

С тех пор в интернате не только не слышали ее голоса, но и ни разу ее не видели. Старуха безвылазно сидела в комнате за узеньким колченогим столом, бессмысленно копаясь в своих вещах. Она отказалась ходить в общую столовую и директриса, напуганная ее возможной голодной смертью, распорядилась, чтобы пищу носили старухе прямо в комнату. Кроме того хозяйка интерната, сжалившись, вернула подопечной стержень.

В интернате одни судачили, что, мол, старуха в своей прежней жизни была чуть ли не профессором какого-то института, светилом отечественной науки. На этой почве и от неизлеченного женского одиночества она тронулась умом и, в конце концов, попала сюда. Нашлось даже объяснение ее непреодолимому влечению к рисованию. Утверждали, будто старуха на своих гротескных рисунках изображала своего первого и единственного мужчину, подло бросившего ее беременную.

Другие говорили о том, что в далекой молодости она состояла в браке с подпольным миллионером-валютчиком. Миллионера за крупные махинации арестовали и приговорили к расстрелу. Оставшееся от него огромное состояние так и не нашли. Старуха же, знавшая, где хранятся деньги и драгоценности и боявшаяся мести бывших партнеров мужа, спряталась в интернате.

Так ли это было на самом деле или нет, но в интернате ни кто не знал подлинную биографию странной старухи. Даже всезнающая директриса. За то время, что она руководила интернатом, посетители не жаловали одинокую женщину своими визитами, а анкета старухи оказалась странным образом утеряна...

Обойдя несколько раз вокруг комнаты, старуха уселась перед маленьким надтреснутым зеркальцем и принялась тщательно расчесывать тонкие прутья волос гребнем. Хлопья перхоти спались с ее давно не мытой головы на стол. Она аккуратно стряхивала их в ладонь, из которой пересыпала в целлофановый мешочек, уже на две трети заполненный отмершими и потемневшими чешуйками кожи.

Приведя голову в порядок, старуха достала из-под подушки тряпичный сверток. За ее спиной послышался скрип распахиваемой двери. Старуха суетливо засунула сверток под халат.

–Старуха, – раздался писклявый голос дежурной нянечки, – тебя заведующая вызывает. Там к тебе пришли.

Старуха вздрогнула. В ее глазах появился испуг. Она мелко-мелко затрясла головой.

–Ну, как хочешь, – с некоторым облегчением в голосе пропищала нянечка, удаляясь с надменной улыбочкой.

Нянечка спустилась по скрипучей лестнице на первый этаж и робко постучала в дверь кабинета директора интерната.

–Кто там еще? – раздраженно прозвучал голос хозяйки.

–Это я, Анна Васильевна! – елеинно пропела нянечка, заглядывая внутрь.

–Что, не пожелала спуститься? – спросила Анна Васильевна женщину, прибывшую в одиночестве. – Я так и знала! Вы сами видите, – обратилась она к двум мужчинам, расположившимся на черном кожаном диване у окна под зелено-коричневой пальмой, – женщина еще не старая, а ума, извините, уже совсем нет. К тому же очень капризная. Ну, что с ней поделаешь! Первые посетители за столько лет и вдруг так...

Один из гостей, тот, что был старше, с саквояжем на коленях, усмехнулся уголками губ:
– Да, за эти тридцать лет она ничуть не изменилась!

Директриса насторожилась и удивленно приподняла тонкие ниточки бровей.

– Вы ее давно знали? – осторожно поинтересовалась она, в следующее мгновение с недоумением заметив, что гости были... босы!

Пожилый мужчина с саквояжем взглянул на своего молодого спутника и туманно ответил:

– Можно сказать, что знал. Давно.

Директриса, глядя округлившимися глазами на ноги посетителей, рассеянно развела руками:

– Мне очень жаль, но сегодня вы ее уже наверняка не увидите... Может, придете еще раз?

Мужчина отрицательно покачал головой и полез в саквояж.

– Коли так получилось, передайте, пожалуйста, ей вот это, – он протянул директрисе резную деревянную шкатулочку.

Во взгляде хозяйки вдруг вспыхнул алчный огонек. Поспешно взяв шкатулку, она заверила гостей:

– Непременно передам. Можете в этом не сомневаться! Кстати, к вашему сведению, ей у нас живется очень даже неплохо. Отказа ни в чем нет. Когда хочет...

Пожилый мужчина жестом оборвал ее:

– Спасибо. Нас это не интересует. От вас требуется передать ей наш скромный подарок. Обязательно лично в руки и желательно побыстрее.

Он учтиво поклонился, тряхнув богатой седой шевелюрой и, перекинув плащ через руку, подал знак молодому: «Пора!»

Едва странные посетители покинули кабинет, директриса закрылась изнутри и взяла в руки принесенную для старухи шкатулку. Сделанная в форме миниатюрного ларца, окованного по углам серебряными пластиночками, она была очень тяжелой – внутри нее, как предположила директриса, что-то лежало. Директриса подергала крышку ларца – та оказалась закрытой на маленький навесной замок. На обратной стороне замка чьей-то умелой рукой была вмонтирована кнопка величиной со спичечную головку. Догадавшись о ее назначении, директриса нажала на нее и крышка шкатулки под действием невидимых пружин поднялась...

После того, как удовлетворенная отказом нянечка удалилась, старуха, которую била нервная дрожь, залезла в кровать и укрылась с головой одеялом. Так она пролежала довольно долго, не смыкая слезящихся глаз, трясущаяся и подавленная. Когда же за дверью послышались торопливые шаги множества ног и тревожный говор, она высунулась из своего укрытия. За окном опускались сумерки. Где-то, совсем рядом, взвыла и сникла сирена, хлопнули дверца автомобиля.

– Это случилось! – пробормотала старуха.

Она на удивление резво соскочила с кровати, распахнула платяной шкаф и вывалила его содержимое на пол. Выбрав из старого тряпья изъеденное молью пальто, старуха накинула его поверх халата, сменила тапочки на стоптанные туфли, сунула за пазуху тряпичный сверток и, быстро перебирая своими больными ногами, выбежала из комнаты.

Дверь в кабинет директрисы была взломана. У входа толпились жильцы, чуть дальше перешептывался персонал, собравшийся в полном составе. Двое врачей склонились над телом директрисы, распластанным на столе для совещаний. Они безуспешно пытались отыскать в нем хоть какие-то признаки жизни.

Старуха, на которую ни кто не обратил внимания, протиснулась вперед и оказалась рядом с мрачными и вспотевшими от напряжения докторами. Первой она увидела раскрытую шкатулку – черную, словно закопченную изнутри. После шкатулки ее взгляд упал на свисавшую с крышки стола руку покойной. Кисть ее была раскрыта, и на ладони виднелся знак, словно

выжженный при помощи тавро. Знак напоминал изображение лица с непропорционально большим ртом, черными впадинами глазниц и вытянутыми вверх ушами.

– Это случилось! – шепотом повторила старуха и бросилась прочь.

Ни кто из окружающих ее слов не услышал. Да и на нее саму не обратили внимания, как не обратили внимания на странный знак, образовавшийся на ладони погибшей.

Глава 2

Мадам Готье приходила на работу ровно в восемь часов утра. Управляющий Швейцарским филиалом австрийского строительного концерна «Shtern» господин Дитц, у которого опрятная и пунктуальная сорокалетняя дама служила в доме кухаркой, обычно в семь тридцать уезжал в фирму. Мадам Готье до обеда колдовала на его кухне, приводила в порядок двухэтажный особняк и, накормив престарелого кокер – спаниеля, удалялась по своим делам.

В это утро она задержалась на пятнадцать минут – по дороге к дому господина Дитца заглох ее старенький «Opel» и женщине пришлось добираться до южной окраины Цюриха на такси.

Мадам Готье открыла ажурную металлическую решетку ворот и прошла во двор, засаженный по периметру кустарником. Прямо перед крыльцом был разбит шикарный цветник – гордость господина Дитца, состоявший из чайных роз и орхидей. Мадам Готье остановилась на узкой мозаичной дорожке рядом с цветником, вдыхая терпкий и сладковатый аромат. Она всегда мечтала иметь собственный дом и именно такой цветник. Правда, ей больше по душе были гиацинты и лилии. Да и более скромным особняком она могла обойтись. Но, увы, мадам жила на шестом этаже старого дома, глубоко вросшего в асфальт на углу двух оживленных и пыльных улиц. И цветы росли у нее на узком подоконнике в пластиковом ящике.

Перед тем, как войти в дом, мадам Готье еще раз окинула восхищенным взглядом благоухающую поляну и вдруг поморщилась. В нескольких шагах от нее, рядом с кромкой дорожки, отчетливо виднелся отпечаток ступни. Крошечные, еще не распустившиеся бутоны роз в этом месте были втоптаны в сырую от прошедшего ночью дождя землю. На листьях соседних орхидей дрожали под осторожным дуновением ветерка опавшие розовые лепестки.

«Странно, – подумала мадам Готье, – господин Дитц не мог допустить такую небрежность. Тогда, кто?»

Она достала из сумочки ключ, щелкнула дверным замком. Мадам уже собиралась распахнуть дверь, как неожиданно неприятная догадка возникла в ее мозгу: а если в дом проникли воры? Может, не стоит рисковать, а вызвать полицию? Но тогда придется давать пространные объяснения стражам порядка! Вся округа будет осведомлена об этом инциденте. А господин Дитц так не любит привлекать внимание к своей персоне!

Перешагнув через свой страх, мадам Готье все же решилась и осторожно шагнула в дом.

Оказавшись в просторном и светлом холле, кухарка огляделась, но ничего подозрительного не заметила. Все вещи находились на своих местах, никакого беспорядка, обычно оставляемого ворами, не наблюдалось. На перламутровом столике, стоявшем справа от двери, белел конверт. Мадам Готье взяла его в руки и заглянула внутрь. И тут-то все ее опасения окончательно развеялись: в конверте лежала ни кем не тронутые банкноты – оплата за прошедшую неделю. Господин Дитц всегда рассчитывался с ней подобным образом.

Вздыхнув с облегчением, мадам спрятала конверт в сумочку и направилась к платяному шкафу переодеться...

Господин Дитц до маниакальности любил чистоту и порядок. Паркетные полы в его особняке сверкали наподобие зеркал, свет люстр отражался в идеальной полировке мебели ручной работы. А уж кухня своей стерильностью напоминала операционный зал. Какая-либо вещь, поставленная хозяином на определенное место, более ни куда оттуда не переносилась.

Господин Дитц отличался особой привередливостью и в еде. Пища, приготовленная для него, должна была быть свежей, калорийной и легкой. Это являлось особенно важным для его мозга, утомленного интенсивной работой, и желудка, подвергаемого постоянной опасности язвы из-за больших нервных перегрузок.

Мадам Готье отвечала строгим требованиям Дитца и потому работала у него шестой год. В благодарность за усердие и аккуратность хозяин год назад удвоил своей домработнице жалование...

Несмотря на сварливый и желчный характер Дитца, мадам Готье не жаловалась на хозяйина. Она появлялась в доме в его отсутствие, делала свою работу и уходила до прибытия Дитца. Если у него имелись какие-либо просьбы и поручения, он, по обыкновению, оставлял на перламутровом столике записку, составленную корявым неразборчивым почерком. К которому мадам Готье долго не могла привыкнуть.

Но особенно трогало кухарку то, что Дитц всегда помнил о дате ее рождения. В этот день он приходил раньше обычного, чтобы застать мадам у себя дома, и обязательно приносил с собой какой-нибудь презент...

По давно заведенному порядку мадам Готье начинала уборку с кухни. Первым делом следовало накормить спаниеля. Обычно, заслышав звон кастрюль, облезлый кобелек из всех своих старческих сил ковылял на трясущихся ногах на кухню к мадам, усевшись в углу рядом с пустой миской, терпеливо ждал, когда та насыпет ему корму. В этот раз он почему-то не объявился. Кухарка тщательно вымыла его миску и полезла в холодильник за собачьей едой. Открыв дверцу холодильной камеры, женщина обнаружила ее забитой до отказа. Мадам Готье очень удивилась этому. Господин Дитц сам никогда продукты не покупал и, так как он жил один, то по магазинам всегда ездила кухарка. Вчера еще холодильник был пуст, и мадам Готье собиралась сегодня его заполнить. Но ее машина сломалась. Это внесло некоторые коррективы в планы мадам Готье...

В поисках коробки с собачьим кормом женщина приподняла один целлофановый пакет, забитый свежим мясом, другой. Третий, лежавший сверху, сполз ей на руку, и она долго пристраивала его на прежнее место.

–Свининка! – довольно сказала она, похлопав по объемному мешку. – Сделаем котлетки на пару. Господин Дитц их очень любит!

На верхней полке под морозильной камерой, завернутая в целлофан, находилась свиная голова, за которой виднелась коробка с кормом для собаки. Мадам Готье, просунув руку, потянула коробку на себя. Свиная голова сорвалась с полки и упала ей под ноги. Мадам Готье охнула, нагнулась за охлажденным деликатесом и вдруг взвыла наподобие сирены воздушной тревоги. Из прозрачного мешка на нее глядели стеклянные глаза господина Дитца...

Полиция и фоторепортеры прибыли одновременно. На место преступления в сопровождении дюжины детективов приехал и сам комиссар Луазье – тучный, хронически всем недовольный господин, дослуживавший до своей отставки последние месяцы.

Комиссар был мрачнее тучи. Взглянув блеклыми выпученными глазками на толпу зевак и корреспондентов, он рявкнул хриплым голосом:

–Всех с улицы убрать! Очистить территорию от посторонних!

Толпа недовольно загудела, но Луазье никогда не отменял своих приказов. Опираясь на массивную трость (его хромота была следствием давнего огнестрельного ранения) и тяжело дыша, он вошел в дом.

В холле на кушетке сидела бледная и обмякшая мадам Готье.

–Вы обнаружили труп? – грубо спросил кухарку Луазье.

Та вперила в комиссара бессмысленный взгляд.

Комиссар махнул на мадам рукой и проследовал на кухню.

На кафельном полу в самом центре кухни криминалистами уже были аккуратно разложены части человеческого тела, некогда принадлежавшего господину Дитцу. Рядом с головой убитого, точно тряпичная кукла, валялся обезглавленный трупик спаниеля.

– Жестоко! Весьма жестоко, – пробормотал комиссар, еще более хмурясь.

Подобных зверских и бессмысленных убийств в их городе не случалось давно. Резонанс обещал быть весьма громким, и теперь на карте стояла честь комиссара, как шефа всей полиции Цюриха. А до заветной пенсии оставалось всего лишь несколько месяцев! Как все это некстати!..

Здравствуйте, господин комиссар! – услышал Луазье тихий характерный голос.

Он обернулся. Перед ним с толстой тетрадью в одной руке и огрызком карандаша в другой стоял инспектор Гордон, известный специалист по «мокрым» делам.

– Что-то уже накопили? – сразу перешел к делу комиссар.

Гордон развел руками:

– Пока ничего.

– Так уж и ничего? – засомневался Луазье, наслышанный о привычке Гордона до поры до времени утаивать от прессы и от начальства результаты предварительного расследования. – Не вводите меня в заблуждение, инспектор!

Гордон пожал плечами и для подтверждения своих слов раскрыл девственно чистую тетрадь, куда он обычно вносил заслуживавшие внимания детали дела:

– Ни единой зацепки!

– Не смешите меня, инспектор! С вашим-то опытом и не за что зацепиться! А кровь? Наверняка после такой мясорубки где-нибудь в доме остались следы крови. Где было совершено убийство?

Инспектор вновь пожал плечами:

– Эксперты облазили весь дом, но следов крови не обнаружили.

– Соседей опросили? Они, ведь, могли что-то заметить.

Гордон снисходительно улыбнулся:

– Ничего необычного. Более того, соседка Дитца видела, как он ровно в половине восьмого выезжал из ворот собственного особняка.

– Но на машине мог быть...

«Уважай старость!» – мысленно сказал себе инспектор и как можно деликатнее опередил Луазье:

– Мы проверяли – машина в гараже, бензобак пуст, внутри – стерильная чистота. Более того, ночью прошел дождь, а шины у джипа господина Дитца совершенно сухие без каких либо следов грязи. Так что, судя по всему, ни кто на нем ни куда не ездил.

– Хм! – озадаченный Луазье усмехнулся. Это дело окончательно перестало ему нравиться. А ведь до пенсии осталось...

Комиссар ткнул тростью тело несчастного пса и спросил, обращаясь скорее к себе:

– Его-то за что?..

Прибыла санитарная бригада. Двое здоровяков принялись деловито укладывать останки господина Дитца в черные пластиковые мешки.

– Собаку не забудьте прихватить, – напомнил им инспектор Гордон.

Санитары, переглянувшись, засунули тушку спаниеля в пакет с конечностями Дитца.

– В фирму убитого сообщили о случившемся? – спросил Луазье инспектора.

– Нет. Сейчас я как раз собирался туда ехать.

Комиссар кивнул и еще раз обошел кухню, постукивая тростью о кафель пола.

– Господин комиссар! Я вам больше не нужен? – поинтересовался инспектор у Луазье.

Комиссар поманил Гордона к себе толстым узловатым пальцем:

–Инспектор, отныне и до окончания расследования я жду вас у себя с докладом каждое утро. Слышите, – блеснула сталь в голосе Луазье, – каждое утро!

–Да, господин комиссар!..

Проходя мимо бледной мадам Готье, инспектор вдруг впервые услышал ее слабый голос.

–След, – пробормотала кухарка, глядя куда-то мимо Гордона.

Инспектор остановился и осторожно уточнил:

–Что вы сказали, мадам? Какой след?

–След человеческой ступни в цветнике, – глядя туда же, повторила кухарка.

–Вы можете его показать?

В знак согласия мадам Готье прикрыла глаза. Гордон бережно взял ее под руку, и они вместе вышли во двор. За оградой замелькали вспышки фотокамер – оттесненные полицией на противоположную сторону улицы, представители прессы оживились, надеясь получить хоть какую-нибудь информацию об этом громком преступлении.

Мадам Готье шаркающей старческой походкой подошла к тому месту, где обнаружила странный отпечаток и, не глядя на цветник, ткнула пальцем:

–Это здесь.

Гордон присел на корточки, тщательно осматривая цветник.

–Мадам, вы не могли бы показать точнее, – попросил он ее спустя некоторое время.

–Да, вот же он! – недовольно воскликнула кухарка, нагибаясь.

–Но, здесь ничего нет! – с легкой усмешкой возразил инспектор.

К своему недоумению мадам Готье никакого следа не увидела. На его месте рос прекрасный розовый куст, с распутившихся лепестков которого еще не успели скатиться капли утренней росы. Кухарка огляделась и обиженно сказала:

–Но я его видела! Вы мне не верите?

–Место вы не могли перепутать?

–Конечно, нет!

Гордон заметил, как на глазах мадам Готье навернулись слезы. Ее лицо сморщилось, и она была готова вот-вот разрыдаться.

–Мадам, можете не сомневаться – я верю каждому вашему слову, – успокоил старуху Гордон. – Мы с вами еще не один раз увидимся, и я, надеюсь, получу от вас самую ценную информацию!

Кухарка вяло улыбнулась и, достав из кармашка платок, утерла покрасневшие глаза.

Секретарь управляющего Швейцарским филиалом австрийского строительного концерна «Shtern» очаровательная мадемуазель Коко вбежала в приемную шефа без одной минуты восемь. Швырнув сумочку в угол и, мельком взглянув на себя в зеркальце, она села за свой рабочий стол и включила компьютер. Шеф мадемуазель Коко, будучи человеком пунктуальным, требовал, чтобы его сотрудники являлись на свои рабочие места без опозданий. Если же таковое все же случалось, то провинившийся мог отделаться словесным нагоняем от управляющего, его могли оштрафовать, а в худшем случае – уволить. Строжайшая дисциплина, введенная господином Дитцем сразу после его назначения восемь лет назад на должность управляющего, поначалу вызывала недовольство у большей части персонала. Дело даже дошло до небольшой «сидячей» забастовки. Однако управляющий оказался «крепким орешком» и не поддавался давлению. Зачинщики беспорядков были уволены, остальным сотрудникам шеф повысил зарплату, и дело сразу пошло на лад.

Сам господин Дитц являлся образцом для подражания. Всегда аккуратно подстриженный и выбритый до блеска, благоухающий дорогими одеколонами, в великолепном английском костюме он ровно с восьмым ударом массивных напольных часов отворял дверь приемной и вежливо, но сухо здоровался с секретарем и проходил в свой кабинет.

Боявшаяся и недолюбливавшая шефа в первые месяцы его руководства, мадемуазель Коко вскоре неожиданно для себя влюбилась в этого пятидесятилетнего господина. В нем ей стало нравиться буквально все: и манера держаться, и тембр голоса, и то, как он подписывал бумаги и отдавал распоряжения. Узнав, что господин Дитц живет один, она дала себе слово, что женит шефа на себе.

Мадемуазель Коко стала сверх всякой меры исполнительной, старалась предупредить любое желание управляющего, задерживалась на работе до тех пор, пока шеф не уезжал. Управляющий же воспринимал заботу молодой секретарши, как должное служебное рвение и ни о чем другом не догадывался.

И вот однажды мадемуазель Коко решила открыться Дитцу. В одну из пятниц, когда служащие разошлись по домам, она, предусмотрительно отключив телефоны, вошла к управляющему, изучавшему смету расходов на следующий квартал, и села в кресло напротив господина Дитца.

Пролистав с десяток страниц, Дитц, наконец, бегло посмотрел на нее из-под очков и равнодушно сказал:

–Рабочий день уже закончился. Можете идти домой.

–Я знаю, господин Дитц, – ответила она низким грудным голосом и, протянув руку, коснулась пальцами ладони управляющего.

–Если у вас что-то ко мне есть, то прошу побыстрее. У меня очень много дел! – не отрываясь от бумаг, предупредил девушку Дитц.

–Господин Дитц, – проговорила Коко тоном, каким исповедуются грешницы, – я хочу с вами заняться любовью! Немедленно! Вот на этом самом столе! Прошу вас!..

Дитц невозмутимо высвободил ладонь, снял очки и, прищурив правый глаз, холодно изрек:

–Мадемуазель Коко! Еще одно такое предложение и я вас уволю! Знайте, я вас ценю, как очень хорошего работника. Но не более! А теперь до свидания, мадемуазель Коко!..

Нравоучительная тирада Дитца словно холодный душ смыла с девушки долгое наваждение. Никогда более управляющий не напоминал ей об этой странной беседе, а Коко стала воспринимать господина Дитца не более чем, как шефа...

Напольные часы пробили восемь. Пришедшая в себя и отдышавшаяся Коко поглядывала на дверь, ожидая прибытия шефа. Но вот уже стрелки на циферблате показали восемь десять, четверть девятого, половину, а господин Дитц все не появлялся. В приемной образовалась небольшая очередь – несколько руководителей отделов ожидали управляющего.

Через час пустого ожидания секретарь решила и, сняв телефонную трубку, набрала домашний номер Дитца, затем позвонила шефу на мобильник. Однако ей ни кто и не думал отвечать...

Около полудня на пороге приемной управляющего появился невысокий худой мужчина в светлом мятном костюме.

–Господина управляющего нет, – встретила не успевшего открыть рта гостя мадемуазель Коко.

–Я знаю, – буркнул тощий, уверенно направляясь к секретарскому столу. – Вы секретарь господина Дитца?

–Да, но господин Дитц будет позже, – повторила Коко, вставая.

–Инспектор Гордон. Управление городского комиссариата полиции, – представился мужчина.

Девушка побледнела. Служащие, сидевшие в приемной, прервали свои разговоры и насторожились.

–С господином Дитцем... что-нибудь... случилось? – путаясь в словах, спросила Коко. Инспектор оглядел притихшую публику и предложил секретарше:

–Пройдемте в кабинет управляющего.

–Но, господин Дитц не любил, когда в его отсутствие кто-то...

–Я думаю, господин Дитц на этот раз не рассердится, – прервал мадемуазель Коко Гордон, решительно открывая массивную дверь, обитую, вопреки современной офисной моде, плотной коричневой кожей...

Более всего Гордон не любил приносить весть о чьей-либо смерти. Слезы, обмороки, сердечные приступы – всего этого инспектор не выносил, несмотря на долгие годы службы в полиции. И в этот раз едва они уединились в просторном кабинете, инспектор долго не мог решиться сообщить этому очаровательному созданию об убийстве хорошо знакомого ей человека. Выручила Гордона сама девушка, первой задав страшный вопрос:

–Господина Дитца больше нет?

Инспектор кивнул.

–Как это случилось? Когда?

–Вероятно, этой ночью. Его, – инспектор на секунду задумался о том, стоит ли подробно расписывать увиденное им в особняке Дитца, – его убили.

У Коко подкосились ноги и она села на краешек стола. Тот самый, на котором она предлагал господину Дитцу заняться с ней любовью.

–Но, за что? – одними губами спросила она.

–Вот это и предстоит мне выяснить. Позвольте? – спросил Гордон, располагаясь за бескрайним столом управляющего.

Инспектор раскрыл на первой странице толстую тетрадь, которую до этого держал под мышкой, маленьким перочинным ножиком подточил карандаш.

–Если вы в состоянии отвечать на вопросы, тогда мы начнем нашу беседу.

Коко утвердительно кивнула и шмыгнула покрасневшим носом.

–Сколько лет вы работали с господином Дитцем?

–Восемь.

–Каковы были ваши отношения?

Мадемуазель Коко вспыхнула румянцем смущения, но быстро справившись собой, уверенно ответила:

–Деловые.

Гордон, заметив реакцию девушки на свой вопрос, усмехнулся и невозмутимо продолжил:

–Чем занимается ваша компания?

–Мы поставляем строительное оборудование.

–Где находится головной офис?

–В Вене.

–Кто ваши партнеры?

–О, их очень много! Причем, не только в Швейцарии, но и в Бельгии, Германии, России...

–В России? – переспросил Гордон, оторвавшись от тетради.

–Да, в России! А что в этом необычного? – удивилась Коко.

Инспектор поскреб пальцем затылок и взглянул на черный экран компьютерного монитора шефа.

–Не мог ли ваш управляющий заниматься еще чем-то, помимо поставок строительного оборудования?

Коко непонимающе округлила глаза:

–Что вы имеете в виду?

–Я имею в виду нелегальные финансовые операции, например, с представителями российского теневого бизнеса.

–Вы о русской мафии?! – воскликнула девушка.

–И о ней тоже.

–Что вы! Ни с русской, ни с итальянской мафией, насколько мне известно, он ни каких отношений не имел. Хотя, на моей памяти, пару раз к шефу приходили подозрительные типы. Но, вы не знали господина Дитца! В таких вопросах он был крайне щепетилен и на нарушение законов никогда не шел.

Инспектор что-то зачеркнул в своей тетради и, сделав очередную запись, поинтересовался:

–Вы знали кого-то из его друзей, знакомых?

–У него не было друзей. Господин Дитц жил очень замкнуто и кроме деловых, ни каких других отношений ни с кем не поддерживал.

Гордон вновь усмехнулся, вспомнив о «деловых отношениях» между этой миловидной дамой и мужчиной, годившейся ей в отцы. Впрочем, он мог и ошибаться по поводу близости их отношений.

–Скажите, в последние дни вы не замечали что-нибудь необычное в поведении господина Дитца? – продолжил Гордон.

Секретарша пожала плечами:

–Нет, ничего такого...

Инспектор оглядел просторный, несколько мрачноватый кабинет управляющего. Темные дубовые панели, массивная австрийская мебель, натертый до блеска ясеневый паркет пола, в котором отражался свет тяжелых бронзовых светильников и плотные, наглухо закрытые портьеры – все это говорило о непростом характере хозяина апартаментов.

«Как же они с ним работали?» – подумал Гордон, вспомнив тяжелый характер своего шефа – комиссара Луазье.

За тонированным стеклом шкафа, стоявшего справа от двери, инспектор разглядел коллекцию сувенирных ваз, кубков и всякой утвари, не имевшей практического назначения. Инспектор кивнул на выставку красивых безделушек:

–У господина Дитца было хобби?

Сообразив, о чем идет речь, мадемуазель Коко с улыбкой возразила:

–Что вы! На эти глупости у него не оставалось времени! А то, что вы видите, это своеобразные поощрения нашего филиала от головной компании.

–Взглянуть позволите?

–Разумеется!

Гордон открыл стеклянную створку и взял в руку плоскую мраморную чашу.

«Господину Ф. Дитцу и его сотрудникам за лучшие экономические показатели в 2011 году. Генеральный директор концерна «Shtern» И. Майер» – прочел инспектор надпись на латунной табличке, прикрепленной к чаше.

Серебряный кубок, выполненный в форме раскрытой пасти змеи, был датирован две тысячи двенадцатым годом, тяжелый рыцарский меч – тринадцатым...

–Странно, – задумчиво сказал Гордон, оглядев всю коллекцию сувениров.

Мадемуазель Коко вопросительно взглянула на инспектора:

–Вы о чем?

–Странно то, что я не вижу ни одного сувенира, датированного позже четырнадцатого года. Ваш филиал стал работать хуже?

–Нет, нет! – воскликнула секретарша. – При господине Дитце такого просто не могло случиться!

–Тогда, в чем причина?

–Не знаю. Этим вопросом я не задавалась.

Гордон вновь снял с полки начищенный до блеска рыцарский меч.

–Люблю старинное оружие, – сказал он, поглаживая прохладную сталь. – Впрочем, это искусная имитация.

Послышалась негромкая трель, а затем и треск факса. Аппарат заурчал, выдавливая из себя бумажную ленту.

–Извините! – сказала Коко, направляясь к столу.

Она оторвала лист, развернула его и пробежала глазами по тексту присланного сообщения. Гордон заметил, как секретарша изменилась в лице. На лбу ее, под каштановой челкой, даже проступили мелкие капли пота. Инспектор подошел к мадемуазель Коко и, заглянув через плечо, прочел присланный документ:

«1. Выражаю глубокие соболезнования по поводу трагической гибели управляющего Швейцарским филиалом концерна «Shtern» господина Дитца.

2. На должность управляющего филиалом назначаю господина Рихарда Кремера. Обеспечьте встречу 13.08.2017 г. в 06 ч. 30 мин. Рейс 2368.

Директор концерна И. Майер (личная подпись)»

После тягостной минуты недоуменного молчания Гордон спросил девушку:

–Кто мог сообщить в Вену о гибели господина Дитца?

–Ума не приложу! – удивленно воскликнула она. – Выход на директора концерна был только у господина управляющего.

–Тогда откуда им стало известно о трагедии? Разве вам это не кажется странным?..

Глава 3

Анжела в очередной раз оглядела большой праздничный стол, накрытый по случаю дня рождения дочери Лизы в гостиной. Вдруг у нее возникло ощущение, что на нем чего-то не хватает. Она пересчитала количество столовых приборов, проверила наличие ножей для откупоривания бутылок и солонок. Обойдя стол дважды, она поняла, что забыла положить салфетки. Анжела зашла на кухню и, раскрыв дверку навесного шкафа, взяла оттуда пару хрустящих упаковок. Из комнаты, что располагалась над кухней, донесся звонкий детский смех. Там, наверху, с Лизой занималась гувернантка. На какое-то мгновение смех прекратился, и стало слышно, как женщина о чем-то быстро говорит. Когда гувернантка закончила свой короткий монолог, последовал еще более сильный взрыв смеха. Улыбнувшись, Анжела вернулась в гостиную. Посмотрев на камин, она подумала, что не мешало бы его разжечь. Однако за окнами стояла необычная для августа жара, и лишь кондиционеры, установленные в каждой комнате, спасали хозяев особняка.

В этот коттедж они переехали три месяца назад. Всегда мечтавший о собственном доме, муж Анжелы Максим Николаев вначале спроектировал его, а затем, как появилась возможность, воплотил мечту в жизнь. Дом был небольшой, но очень уютный. Более всего Анжеле нравилось то, что теперь они жили на окраине города, вдали от шумных магистралей и чадящих заводов, окруженные плотным кольцом лесопарковой зоны...

Нетерпеливые детские ножки, обутые в сандалии, застучали по лестнице.

–Мама! Смотри! – звонко крикнула по-детски неуклюже спускавшаяся по лестнице со второго этажа Лиза. – Это деда Саса!

Девчушка держала в ручонке альбомный листок, на котором зеленым фломастером была изображена квадратная фигурка человечка с оттопыренными прутиками ножек-ручек. Шедшая сзади с целой кипой ее рисунков гувернантка, придерживая Лизу за платье, говорила:

–У вашей дочери, Анжела Вячеславовна, ярко выраженные художественные способности. Вы только посмотрите, как хорошо она схватывает детали!

Анжела поцеловала подбежавшую дочь в прохладный лоб, бросила беглый взгляд на рисунок и, сказав лаконично «умница», вновь подошла к столу.

«Красников, Леповы, четыре семьи из фирмы Максима, трое подруг из адвокатской конторы со своими бой-френдами...», – мысленно принялась пересчитывать Анжела, глядя в список гостей.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть.

«Наверное, праздничный торт принесли», – решила Анжела.

Отправив дочь с гувернанткой наверх, она вышла в прихожую.

На пороге стоял Лепов. По виду гостя Анжела поняла, что тот пришел с недоброй вестью.

Не здороваясь, он тяжелой пошатывающейся походкой прошел прямо в гостиную и сел за праздничный стол. От него сильно пахло спиртным, но пьяным он не выглядел. Без особых церемоний, Лепов налил из графина в рюмку водки и залпом ее выпил. Анжела пододвинула к нему салатницу, но майор закусывать не стал, а лишь сглотнул невидимый комок, подкативший к его горлу. Сделав несколько судорожных вдохов, он, наконец, выдавил из себя:

–Александр Павлович...

–Что! – вскрикнула Анжела, и тут же вспомнив о ребенке, прикрыла ладонью рот.

–... в больнице в крайне тяжелом состоянии.

–Что с ним? – уже умоляющим шепотом спросила Анжела.

–Дэ-тэ-пэ... Он хотел вас всех увидеть напоследок. Я на машине...

Глаза Анжелы растерянно забегали. Она схватила мобильник, торопливо набрала номер Максима. Тот не отвечал. Тогда она перезвонила на его рабочий телефон. Через пару секунд раздался голос секретарши Максима:

–Максим Ильич выехал в город по важному делу. В офис сегодня он не вернется...

–Ольга Николаевна! – крикнула Анжела гувернантке. – Собирайте Лизу. Мы выезжаем...

Служебная машина Лепова в считанные минуты домчала Анжелу с дочерью до Центральной областной клинической больницы. Лепов остался ждать в автомобиле, а Анжела, накиннув на плечи поданный медсестрой халат, поднялась с Лизой на третий этаж в реанимационную палату, где под капельницей умирал ее дядя.

–Не более пяти минут, – строго предупредил ее хмурый и усталый врач, впуская в палату Красникова.

Александр Павлович лежал накрытый белоснежной простыней, на которой отчетливо виднелись свежие пятна крови. Голова его была забинтована. На осунувшемся лице застыла маска страдания.

Анжела с дочерью бесшумно подошли к кровати и сели на стулья. Молодая женщина всматривалась в знакомые, до щемящей боли любимые черты лица, и ни как не могла решиться дать знать Красникову, что они рядом. Неожиданно сизые потрескавшиеся губы его дрогнули. Анжеле показалось, будто Александр Павлович хочет что-то сказать. Она нащупала под простыней руку Красникова.

–Видишь, как получилось, – вдруг просипел он.

Услышав дедушкин голос, Лиза потянулась к кровати, но Анжела, обхватив дочку за плечи, прижала к себе. Из ее глаз неудержимо катились слезы.

–Не плачь, – пробормотал дядя.

Анжела ощутила на своей руке его прохладную ладонь.

–Знаешь, – продолжал Красников, делая паузы между словами, – я виноват перед тобой... и Максимом...

–Дядя, что ты такое говоришь! – надрывно всхлипнула Анжела, еще крепче сжимая ладонь Красникова.

Александр Павлович дернулся всем телом – любое прикосновение вызывало в нем нестерпимую боль.

– Не перебивай... Мне и так тяжело... говорить. Я, ведь, тогда хотел разлучить вас с... Максимом.

– Зачем ворошить прошлое!

– Надо!.. Я хочу умереть... со спокойной душой.

– О какой смерти ты говоришь! Мы еще с тобой на Лизиной свадьбе станцуем! – сделала Анжела неловкую попытку ободрить умирающего.

Красников изобразил на своем лице жалкое подобие улыбки.

– Спасибо за поддержку, но... я уже не жилец, – спокойно сказал он. – У меня нехорошее предчувствие по поводу вас. В верхнем ящике моего стола лежит папка... Я хочу, чтобы ты ее внимательно просмотрела. Теперь я понял, насколько это важно...

Александр Павлович умолк и шумно выдохнул.

– Дядя, тебе хуже? – забеспокоилась Анжела.

– Все в порядке, доченька. Вроде... полегчало...

Красников оторвал дрожащую голову от подушки и посмотрел на Анжелу с Лизой прощальным взглядом.

– Езжайте домой... Мне надо побыть одному...

Анжела склонилась к дяде. Его сухие губы коснулись щеки племянницы. Свою розовую щечку подставила и Лиза.

– До свидания, дедушка! – пролепетала она неуклюже.

Красников в ответ лишь слабо улыбнулся и кивнул головой.

Анжела с дочкой направились к выходу. Девочка, оглянувшись через плечо и запинаясь непослушными ногами, помахала Красникову пухлой ладошкой.

Дойдя до двери, Анжела вдруг услышала, как отрывистые сигналы, подаваемые подключенным к Александру Павловичу кардиомонитором, превратились в монотонный, леденящий кровь протяжный звук. Она обернулась – на экране, установленном справа от кровати Красникова, высветилась ровная светлая полоса.

– Мама, – шепотом спросила Лиза, – дедушка уснул?

– Уснул, моя радость, уснул, – ответила Анжела, прижимая к себе дочь и прикрыв полные слез глаза...

Этот день стал для Анжелы самым худшим в жизни после гибели ее родителей. Со смертью дяди оборвалась последняя ниточка, связывавшая ее с безоблачным прошлым. Теперь, кроме Максима и Лизы на всем белом свете у нее не было родственных душ...

Отужинав за так и не состоявшимся праздничным столом и отправив дочь спать, Максим, ошарашенный трагическим известием, и Анжела легли в постель. Анжела чувствовала, будто что-то тяготит Максима. О чем-то он все ни как не мог решиться ей рассказать. Положив свою голову мужу на грудь, Анжела тихо спросила:

– Что с тобой? У тебя проблемы?

Максим провел ладонью по ее шелковистым каштановым волосам и поинтересовался:

– Похороны дяди состоятся послезавтра?

– Да, – настороженно ответила Анжела.

– Дело в том, что я завтра улетаю в Швейцарию на подписание очень выгодного контракта.

Анжела оперлась локтями о его грудь и привстала:

– Как! Значит, ты не сможешь проводить дядю в последний путь!?

– Увы, – вздохнул Максим. – У меня на душе так мерзко!.. Но, изменить уже ничего нельзя. Вчера пришло подтверждение, что послезавтра состоится заседание правления Швейцарского филиала концерна «Shtern». На нем мне кровь из носу, но быть надо. Иначе, сама понимаешь, чем это чревато: потеря имиджа, выгодного партнера и большие убытки. Ведь мы

взяли под бешеные проценты кредит на покупку у концерна дешевого строительного оборудования...

–Что ж, бизнес – есть бизнес, – разочарованно сказала Анжела и отвернулась.

–Я знал, что ты рассердишься на меня! – воскликнула Максим. – Ты считаешь, что я до сих пор обижен на твоего дядюшку? Ошибаешься! Я переживаю не меньше твоего. Ведь он и мне был, как отец...

–Максим, – он снова ощутил ее дыхание возле своего уха, – можно я спрошу тебя кое о чем?

–Конечно, спрашивай! У нас никогда не было запретных для разговоров тем.

–Кто были твои родители? Почему ты мне ничего и никогда о них не рассказывал?

Николаев нахмурился. Анжела поняла, что задела потаенную струну в его сердце, и это было для него неприятно.

После довольно продолжительной и тягостной для обоих паузы он ответил:

–Я и сам мало что о них знаю. Мать ведь отдала меня в приют недельным младенцем. А насчет отца, так мне всегда казалось, будто его у меня и не было вовсе.

–И ты ими никогда не интересовался?

–Нет. Я не хотел их видеть. Да и сейчас не хочу этого.

–Тебе не кажется, что ты слишком жесток по отношению к тем, кто дал тебе жизнь?

–Может быть... Но, ничего с собой поделать не могу. Шестнадцать лет жизни на казенных харчах никогда не забываются.

–Ты не можешь им простить предательства?

Максим обнял жену, зарылся лицом в ее волосы, источавшие мускусный аромат, и нежно прошептал:

–Мне кажется, что нам пора спать. Завтра предстоит очень трудный день...

Утро следующего дня началось с больших хлопот. Максим готовился к отлету в Швейцарию, Анжела с Леповым занимались организацией похорон Красникова.

Бывшие сослуживцы Александра Павловича взяли на себя большую часть забот. Подполковника Красникова должны были похоронить со всеми воинскими почестями, после чего в столовой областного УВД друзья заслуженного ветерана устраивали поминальный обед.

В полдень с необходимыми для командировки документами в дом Николаевых прибыли секретарь-референт – сорокалетняя женщина, которую Максим ценил за знание трех иностранных языков, завидную даже для женщины дипломатичность и деловую хватку, и коммерческий директор компании – молодой финансовый гений, балагур и весельчак.

Максим встретил коллег одетый по-домашнему в яркий шелковый халат и тапочки с пушистой оторочкой.

–О, Максим Ильич, вы меня ослепили! – воскликнула с порога секретарь-референт, впервые видевшая шефа в столь неформальной обстановке.

Николаев сдержанно улыбнулся и широким жестом хлебосольного хозяина пригласил гостей в дом.

–Проходите. Как раз обед поспел.

–Очень кстати, шеф! – коммерческий директор прильнул к овалу зеркала, щеголевато пригладил рыжие баки. – Последний раз родную пищу отведаем.

–Ты что, Артур, на тот свет собрался? – мрачно поинтересовался Николаев.

Из кухни вышла одетая в черное платье Анжела и тихо поздоровалась с гостями.

Референт сжала влажную ладонь Анжелы:

–Примите мои соболезнования, Анжела Вячеславовна. Мы все вам очень сочувствуем.

–Спасибо... Располагайтесь.

Она взглянула на Максима, стоявшего за спинами гостей. Николаев жестами дал ей понять, что они очень торопятся. Анжела кивнула и поспешила в гостиную.

Сев за стол, референт осторожно доложила Николаеву:

–Максим Ильич, у нас возникли некоторые проблемы.

В глазах Николаева вспыхнула тревога.

–Что-то в последнее время слишком много проблем! Что случилось?

Артур укоризненно посмотрел на женщину:

–Виктория, может не стоит сейчас о делах? Давайте пообедаем в спокойной обстановке, а после все обсудим.

–Нет, продолжайте! – настойчиво сказал Максим.

Виктория достала из сумочки пачку сигарет.

–Разрешите?

Немного поколебавшись, Николаев позволил женщине закурить у себя в доме.

–После того, как пришел факс из Цюриха, я, по вашему заданию, приобрела билеты и попыталась дозвониться до секретаря управляющего филиалом «Shtern», чтобы подтвердить наше прибытие. Но, странное дело, вот уже третий день в компании ни кто не отвечает. Будто все вымерли.

–На какие номера вы звонили? – с сомнением в голосе спросил Николаев Викторию.

Женщина стряхнула пепел в бумажный кулек (пепельницы Николаевы не держали) и стала перечислять по памяти, загибая пальцы с алыми острыми ноготками:

–Управляющему филиалом, его секретарю, главному менеджеру и даже тамошним экономистам.

–И все в пустую? – не поверил Николаев.

–Угу! – буркнул яростно терзавший куриную грудку Артур. – Они не знают, ни когда мы прилетаем, ни прилетим ли мы вообще.

–Так передайте сообщение факсом или по электронной почте! – начал нервничать Максим.

–Сегодня утром я так и сделала, – сказала Виктория, переходя от сигареты к молочному коктейлю. – Но выяснить, получили ли они его или нет, я так и не смогла.

Сзади к Максиму подошла Анжела, положила ладонь ему на плечо и прошептала мужу на ухо:

–Может, вы полетите в другой раз, когда свяжетесь со швейцарцами?

Максим глянул снизу вверх на жену и, вдруг, задал вопрос, не относящийся к теме разговора:

–Лиза спит?

–Спит.

–Боюсь, не смогу увидеть ее до отъезда.

Максим посмотрел на часы:

–О, точно не увижу! Господа, пора в аэропорт. До рейса осталось три часа...

Уже у распахнутой двери Анжела снова спросила Максима:

–Останься дома. Вдруг там вас ни кто не ждет.

–Но, почему? – удивился непривычной настойчивости жены Николаев. – Почему я не должен лететь?

Анжела виновато опустила глаза:

–Ты мне не поверишь, но у меня какое-то недоброе предчувствие.

–Любимая, ты начинаешь верить в мистику! По возвращении из командировки я найду тебе хорошего психоаналитика.

Анжела бессильно вздохнула. В ее мозгу, где-то далеко, гулким эхом прозвучали слова дяди, сказанные им перед смертью: «У меня нехорошее предчувствие по поводу вас».

–Ну, не вешай нос! – приободрил ее Максим. – Когда Лизок проснется, поцелуй ее от меня...

Дорога до аэропорта, пролежавшая через центр города, заняла довольно много времени. Не доехав до областного УВД несколько кварталов, Максим велел водителю притормозить. В небольшом магазинчике он купил пару гвоздик и, перейдя улицу, остановился возле того злополучного перекрестка, на котором дядя его жены попал в аварию. На проезжей части еще лежали осколки битого стекла. У бордюра в серой пыльной траве желтела охапка полевых цветов, принесенных сюда кем-то из многочисленных друзей Красникова. Максим положил гвоздики рядом, немного постоял, жмурясь от невыносимо ярких солнечных лучей и, развернувшись, направился к машине.

Весь оставшийся путь они ехали молча. Виктория одну за другой курила сигареты. Артур искоса наблюдал за ней, думая, что «она определенно кончит раком». У Максима не выходила из головы странная сцена его прощания с женой.

«Ничего, все образуется. Сегодня прилетим, закружат дела... Как прибуду на место, сразу позвоню Анжеле, Лизе...»

Николаев очнулся от того, что кто-то бережно потряхивал его за плечо.

–Максим Ильич, проснитесь! Мы приехали, – тараторил Артур.

Виктория уже стояла под козырьком крыльца аэровокзала, дымя очередной сигаретой. Водитель перетаскивал чемоданы из багажника служебного автомобиля ко входу в здание аэропорта.

–Идемте, Максим Ильич! Регистрация уже заканчивается, – крикнул Артур на бегу. В его руке покачивался кейс, пристегнутый к запястью блестящим металлическим браслетом. В кожаном кейсе находилась крупная сумма на командировочные и представительские расходы, а также вся финансовая документация, необходимая для заключения контракта.

Максим, разморенный жарой и быстротечным сном, опустил на раскаленный асфальт одну ногу, затем вторую, и тут в его ноздри ударил зловонный запах. Скривившись, он поднял голову. В двух шагах от машины стоял, опираясь на костыль, дед, заросший седыми клокочьями щетины и одетый в истлевшие, пропитанные потом, мочой и грязью улиц лохмотья.

Максима передернуло от такого зрелища, и он слабо отмахнулся, точно отгоняя неприятное наваждение.

Дед сделал шаг к Николаеву. Отвратительный запах стал просто нестерпимым. Максима начало тошнить.

–Сынок, помоги мне, пожалуйста! – прошамкал дед беззубыми кровоточащими деснами.

Максим торопливо вытащил из кармана платок и, прикрыв им нос, выдавил сипло:

–Чего тебе?

–Денежек не хватает, сынок, – зловонный старичок приблизился еще на шаг и, нагнувшись, просительно посмотрел слезящимися воспаленными глазами в лицо Максиму. – Купи у меня одну вещь.

–Мне ничего не нужно, – торопливо ответил Максим.

–Ну, пожалуйста! Недорого отдам...

Дед раскрыл висевшую у него на плече холщевую котомку, с какой, наверное, лет сто назад нищие скитались по пыльным дорогам России, и выудил оттуда толстую книгу в потемневшем от времени деревянном переплете, на лицевой стороне которого было вырезано изображение, отдаленно напоминавшее уродливую человеческую маску. Дрожащей, покрытой язвами рукой он протянул книгу, приговаривая:

–Возьми! Тебе пригодится!..

–На что она мне! – Максим брезгливо отвернулся. – Иди лучше, дед, отсюда, да ищи покупателей в другом месте.

Старичок вдруг рухнул на колени и принялся биться лбом о мягкий асфальт. Рядом с машиной стали собираться зеваки, с улыбкой созерцавшие довольно комичную сцену.

Наконец, не выдержав, Максим бросил под ноги деду тысячерублевую купюру. Лицо старика просияло. Он сгреб серой ладонью хрустящую бумажку, сунул Николаеву свою книгу и, как был на карачках, пополз прочь, показывая Максиму обнаженные грязные ступни и волоча за собой суковатый костыль.

А к автомобилю уже бежал водитель, размахивая здоровенными кулачищами.

– Все в порядке, шеф? – тяжело дыша, рявкнул он. – Что это за чучело было?

Николаев пожал плечами, повертел в руках тяжелый фолиант и, буркнув «А книга-то старая! Поди, где-нибудь спер ее этот старикашка», зашвырнул бесполезную покупку на заднее сиденье машины.

Регистрация уже была почти закончена, когда к встревоженным Артуру и Виктории подошел Максим Ильич. Виктория повела носом и недоуменно уставилась на Николаева.

– Что, пахнет? – спросил, сдержанно улыбаясь, Максим.

– Извините, Максим Ильич, но от вас не просто пахнет, – подал голос Артур, – а воняет! Почти, как от скунса.

– Спасибо, утешил, – помрачнел Максим. – Но у вас выбора нет – мы летим в соседних креслах.

– Тогда, как говорится, приятного нам всем полета! – съязвил коммерческий директор...

Несмотря на хорошие, как показалось Николаеву, метеоусловия, их самолет почему-то посадили в Варшаве. Однако пассажиров из лайнера выпускать не стали...

Попутчики Максима спали. В салоне «бизнес-класса» стояла редкая тишина. Стараясь не потревожить сон соседей, Николаев встал со своего кресла и, уединившись в туалетной комнате, начал набирать мобильный номер Анжелы. Результатом его неоднократных попыток стало гробовое молчание в трубке, прерываемое лишь слабыми потрескиваниями. После четвертой попытки, Максим решил позвонить на свой домашний телефон. Послышались долгие гудки, а вскоре в трубке прозвучал незнакомый и грубый женский голос:

– Да? Алло! Говорите!..

– Анжела, это ты? – нерешительно спросил Максим.

– Какая Анжела? Вы что, сегодня все сговорились, что ли!

– Я попал на номер двести девяносто один шестьдесят пять тринадцать?

– Да, угадали!

– Это дом Николаевых?

– Нет, Николаевы здесь никогда не жили и жить, я надеюсь, никогда не будут!

– Но, погодите, как такое может быть! – растерялся Максим.

– Да, пошел ты! – вежливо попрощались с ним и положили трубку.

Озадаченный Николаев сел на стульчак унитаза. Трагические и нелепые события последних дней точно на параде выстроились перед его мысленным взором. Максим уже начал бояться того, что и их поездка закончится неудачей. И чем дольше думал он, глядя на погасший дисплей своего мобильного, тем меньше в нем оставалось уверенности в успехе затеянного дела. Права была Анжела – ему стоило остаться дома...

Тело «Боинга» вздрогнуло. Самолет начал готовиться ко взлету.

«Будет день – будет и пища», – философски решил Максим. А домой он позвонит из гостиничного номера. Он просто возьмет и закажет международный разговор. Так будет надежнее...

Николаев вернулся на свое место. Артур и Виктория безмятежно посапывали, закутавшись в полосатые пледы. Проходившая мимо бортпроводница задержалась рядом с креслом Николаева и, изобразив на лице дежурно-ослепительную улыбку, проворковала:

– Пристегнитесь, пожалуйста! Мы взлетаем.

«И где только они таких набирают? – спросил себя Максим, глядя вслед удалявшейся точеной фигурке стюардессы. – Не салон, а подиум какой-то!»

Ощутив на себе взгляд Николаева, девушка в темно-синем форменном костюме и с пилоткой на голове, завияла упругими рельефными бедрами и, подойдя к шторке, отделявшей салон персонала от пассажирского, на мгновение обернулась. Максим хмыкнул и натянул на себя плед. Он представил красавицу-жену, дочку, свой уютный дом...

«Какие могут быть бортпроводницы!» – одернул себя Николаев и сладко зевнул...

Цюрих встретил гостей из России мелким морозящим дождичком. Вечерело. Несмотря на поздний час в аэропорту яблоку негде было упасть. Отовсюду слышалась разноязыкая речь. Английский говор смешивался с французским, немецкий перебивал итальянский.

–Чувствую себя полным идиотом! – сказал, наблюдая за отчаянно жестикулировавшими турками, Артур.

Артур, кроме русского-разговорного и ненормативного никакими другими языками не владел. Глядя на Викторину, свободно изъяснявшуюся с англичанами, немцами и французами, он всегда мрачнел лицом и бурчал что-то про свое трудное детство и деревянные игрушки.

–И я себя таким же чувствую, – мрачно продолжил Максим, с надеждой высматривая в мельтешащей толпе представителей концерна «Shtern», которые, по правилам делового этикета, должны были их встретить.

–Пустое это, Максим Ильич, – сказала Виктория. – Они же не знают, ни номера нашего рейса, ни даты прибытия.

–Тогда едем в гостиницу. А утром разберемся, – принял решение Николаев.

В Швейцарию он прилетал уже в третий раз. Обычно его встречала секретарь управляющего мадемуазель Коко и везла в шикарный отель «Шератон». Он примерно помнил, где находилась эта гостиница, и надеялся при помощи Виктории объяснить таксисту, куда нужно их доставить.

Из здания аэровокзала они вышли на ярко освещенную площадь. Перед ними, уткнувшись бамперами в высокий бордюр, стояли десятки автомобилей, большинство из которых были таксомоторы. Коммерческий директор, перепрыгивая через лужи, побежал к стоянке, но, вдруг, вспомнив, что не сможет составить разговор с местными таксистами, остановился и, обернувшись, беспомощно развел руками.

Тем временем внимание Николаева привлек черный «Роллс-ройс», на большой скорости подъезжавший к аэропорту.

«Машина королей!» – восхитился мысленно Максим, наблюдая за виражами дорогого автомобиля.

«Роллс», не сбавляя скорости, пролетел под шлагбаумом в особую зону, опоясанную металлическим ограждением, и встал напротив представительского подъезда.

–Каких-то шишек встречают, – кивнула Виктория на представительский автомобиль.

–Да-а, – задумчиво протянул Николаев, не отрывая взгляда от дорогой машины и видя, как отворилась дверца «Роллс-ройса».

Из сверкающего автомобиля вылез водитель, одетый в строгий черный костюм. На нагрудном кармане его двубортного пиджака поблескивал какой-то знак, вышитый золотыми нитями, а на голове у водителя было кепе, отдаленно напоминавшее фуражку американского полицейского. В руке, облаченной в перчатку, мужчина держал зонт-трость. Импозантный водитель, вытянув стиснутую тугим белоснежным воротником шею, огляделся, видимо ища кого-то.

–Максим Ильич, идите сюда! – крикнул Артур, тыча пальцем в скопление автомобилей. – Промокнем же! Так и простыть недолго!

Николаев махнул на него рукой:

–Да, погоди ты!..

К бетонному пятаку, на котором стояли Максим с Викторией, уверенным армейским шагом двигался водитель с зонтом.

«К кому это он?» – удивился Николаев, не наблюдавший поблизости никого, кто мог бы стать пассажиром столь представительного экипажа.

Неожиданно, остановившись в паре метров от Максима, водитель «Роллс-ройса» приложил два пальца к блестящему каплями дождя козырьку и сказал по-русски, чисто, без малейшего намека на акцент:

–Здравствуйте, господа! Руководство филиала концерна «Штерн» приветствует вас на земле Швейцарской Конфедерации!

Опешивший Николаев вопросительно уставился на своего секретаря-референта. Та недоуменно пожала плечами, давая понять, что к этому никакого отношения не имеет.

–А где... мадемуазель Коко? – наконец нашелся Максим.

Лицо водителя вдруг сделалось непроницаемым. Мужчина что-то невнятно пробормотал по-немецки.

–Не понимает он, – перевела Виктория.

Максим поскреб пальцами затылок, косясь на застывшего водителя.

–Интересная метаморфоза! То говорит по-русски лучше, чем я, то ничего не понимает...

–Как долетели? – вновь на понятном Николаеву языке спросил водитель.

–Спасибо, хорошо. А как поживает господин Дитц? – Максим хитро прищурился.

Водитель снова перешел на немецкую речь.

–Да все он понимает! – раздраженно воскликнул подошедший, вымокший до нитки Артур, который слышал почти весь произошедший разговор. – Дурака включает, а потом гонит.

–Господа, прошу вас в машину, – невозмутимо предложил водитель. – Вас ждет отличный ужин. Господин Кремер для вас лично заказал три комфортабельных номера-люкс.

Максим округлил глаза:

–Кто такой господин Кремер!?

Мужчина раскрыл над Николаевым зонт и снова затараторил по-немецки.

–Что-то мне все это не нравится, – шепнул Артур Виктории на ухо. – Да ты на шефа посмотри. Я никогда не видел его таким растерянным!

–Господа, идите! Вам необходимо хорошо отдохнуть перед завтрашними переговорами. Выбросьте из головы все свои проблемы. Как вы, русские, говорите, – водитель улыбнулся нижней половиной лица Николаеву, – будет день – будет и пища!..

Глава 4

Церковь св. Покрова стояла возле въезда в местечко Гштадт, являвшегося одним из самых популярных горнолыжных курортов Швейцарии. Храм был православным. Еще в первой четверти двадцатого века его построили на собственные средства русские белоэмигранты. Основал храм бежавший из России митрополит Алексей. Сорок лет эту церковь посещали обосновавшиеся в Гштадте и его предместьях русские дворяне, помещики и фабриканты, доживавшие свой век в тихой и маленькой Швейцарии. Особо ценившие службы, проводимые в храме, за великолепное звучание хора и прекрасную акустику, люди приезжали сюда даже из Цюриха и Берна. Старожилы вспоминали, как однажды в этой церкви пел сам великий Шаляпин.

Однако, с годами храм св. Покрова начал хиреть. Внуки русских переселенцев не отличались особой набожностью и по этой причине заглядывали в церковь редко, посвящая все время бизнесу. Храм потерял свое былое великолепие. Редкий по слаженности хор разбежался. Внутреннее убранство ветшало, начала разрушаться кирпичная кладка стен.

И вот теперь позеленевшие купола церкви сиротливо глядели на скоростную автостраду, соединявшую Цюрих с Гштадтом, и по которой жаждающие острых ощущений господа мчались на своих эксклюзивных машинах к заснеженным вершинам Альп.

Последние восемь лет настоятелем в храме служил отец Михаил – нелюдимый мрачный пятидесятилетний священник, по слухам приходившийся дальним родственником митрополиту Алексию.

С появлением отца Михаила церковные службы в храме вообще стали редкостью. Прихожан он не жаловал, а двери его церкви почти всегда были на замке. Поговаривали, что отец Михаил тайно и много пил. По этой причине священника, якобы, лишили прихода в одном из крупных городов и сослали сюда...

Старенький малинового цвета «Ситроен» свернул с автомагистрали на пыльную дорогу и, проехав метров пятьсот, остановился у покосившейся церковной ограды. Из него вылезла благообразная старушка, накинула на голову черный шелковый платок, взглянув на икону, темневшую над дверями храма, перекрестилась и, опираясь о перила, поднялась на высокое крыльцо. Старушка дернула на себя металлическое кольцо, но сероватая узорчатая дверь не поддавалась. Дама вынула из сумочки зонт и принялась решительно и громко колотить в дверь его металлической рукояткой.

Несколько минут никаких шевелений внутри храма не угадывалось. Затем послышался скрежет засова, и в образовавшемся узком и темном проеме возникло напуганное лицо священника. Старушка принялась отвешивать поклоны и мелко креститься.

–В храме идет ремонт. Сегодня службы не будет, – на французском, скороговоркой выпалил батюшка, прикрывая дверь.

Старушка уперлась сухонькой ручонкой, усыпанной перстнями и браслетами, в косяк и запричитала по-русски:

–Отец Михаил, помогите! Сегодня сорок дней, как внучок мой, ангелочек, преставился. Свечечку за упокой его безгрешной души поставить хочу. Да акафист заказать. В округе других православных церквей нет, а в Цюрих ехать далеко, не по моим летам. Не откажите! Век благодарна буду!

Поморщившись, священник кивнул:

–Заходите...

Радостная дама впорхнула под мрачные своды церкви и с любопытством огляделась. Свечи в лампадах перед иконами не горели, в закопченных углах трепыхалась серая паутина. На отце Михаиле вместо рясы был старый клетчатый пиджак с оттопыренными карманами и черные, вздувшиеся на коленях джинсы.

–А где же тут ремонт? – удивленно спросила старуха, не находя внутри храма никаких признаков ведущихся работ, и видя одно лишь запустение.

Батюшка смутился и что-то путано пробормотал.

Дама скользнула взглядом по отцу Михаилу и к своему ужасу вдруг заметила выглядывавшее из-под пиджака остроконечное лезвие кинжала. Растерявшаяся прихожанка открыла рот. Несмотря на толстый слой пудры на ее лице, священник увидел, как дама побледнела. Он торопливо одернул полу пиджака и спросил:

–Как имя?

Старушка непонимающе заморгала:

–Какое имя? Чье имя?

–Внука вашего как звали?

–Ми... Митенька, – заикаясь, выговорила она.

–Идемте со мной, – сказал отец Михаил, разворачиваясь к алтарю.

Старушка покосилась на топорщившуюся полу пиджака и стала отступать к выходу, испуганно лопоча:

–Спасибо. Я передумала... В другой раз...

–Но, куда же вы, мадам! – протянул подрагивающую руку отец Михаил. – Чего вы испугались? Вы все не так поняли!..

Старушка, тем временем, переступила через порог церкви и опрометью бросилась к автомобилю. Через пару минут лишь пыль, витавшая в воздухе, напоминала о нем, да о напуганной женщине...

Влетев на своем допотопном «Ситроене» в Гштадт, пожилая дама прямоком направилась в местный комиссариат полиции. Отыскав дежурного детектива, она принялась с дрожью в высоком надтреснутом голосе и страхом в блеклых, но ярко подведенных глазах рассказывать об ужасах, увиденных ею в храме св. Покрова. Будучи женщиной в летах, одинокой и обуреваемой всевозможными фобиями – от страха быть изнасилованной в собственной спальне, до боязни практически неизбежной участи погибнуть под ржавым лезвием тесака маньяка – она с каждой минутой своего повествования все более приукрашивала увиденное. Она наспигивывала свежие воспоминания такими деталями, от которых у начинающего сыщика волосы наверняка бы встали дыбом. Под конец старушка договорилась до того, что она, будто бы, перед тем, как попасть в церковь, слышала в ней душераздирающие крики, а, войдя, собственными глазами видела пятна свежей крови на пиджаке отца Михаила. Да и кинжал к моменту ее появления он успел вытереть оторванным от рясы куском материи. А еще, когда она вошла во внутрь храма, ее поразил смрадный запах – это она помнила точно, так как знает, какие ароматы обычно витают в православных церквях.

Детектив слушал рассказ пожилой дамы, подперев голову ладонью и глядя куда-то мимо нее. Глаза офицера закрывались сами собой – подходило к концу его суточное дежурство. Полицейский сдержанно позевывал и кивал в такт словам мадам, сам думая о том, какой черт принес эту старуху. Самым большим его желанием было поскорее отделаться от назойливой заявительницы.

Когда, наконец, старушка остановилась, чтобы перевести дух, детектив, не отрывая голову от ладони, спросил:

–Вам угрожали?

–Мне? Угрожали? – в голосе мадам послышалось разочарование. – За что мне угрожать? Я живу тихо, ни во что не лезу.

–Тогда, что вас побудило к нам обратиться?

–Но он был вооружен! Вы не видели его кинжала! Таким не то, что человека, бычка насквозь проткнуть можно!

–И что из этого? Да мало ли у нас ходит людей с пистолетами, ножами, кастетами и прочей опасной дрянью! Самозащита – право каждого гражданина. Главное, чтобы у него было разрешение на ношение оружия.

Пожилая дама вдруг остро почувствовала, что полицейский не проявляет к ней должного интереса. Она поняла, как теряет, может быть, единственный в жизни шанс помочь блюстителям порядка. Старушка обиженно поджала тонкие губы и плаксиво попросила:

–Ну, что вам стоит его проверить? Может, у него и лицензии-то на оружие нет.

Детектив молча вынул из ящика стола чистый лист бумаги, поставил перед дамой чернильницу с перьевой ручкой и сказал с изрядной долей злорадства:

–Пишите! Пишите обо всем, что помните. В подробности излишне не вдавайтесь. А, впрочем, как считаете нужным...

И мадам написала. Написала ни много, ни мало, а двенадцать страниц убористым красивым почерком. Детектив, поглядывая на часы, нервно прохаживался по кабинету. Если бы не эта старушка, он давно уже лежал бы на своем диване, пил пиво и пялился сонными глазами в телевизор. Или, что еще лучше, спал. Ночь в его дежурство выдалась беспокойной: два угона автомобиля, потасовка в баре и кража из номера курортного отеля.

Наконец, когда старушка закончила создание своей повести, детектив разложил перед собой испещренные листы, пробежал по ним глазами и, усмехнувшись, спросил:

–Мадам, вы психиатра никогда не посещали?

–Что вы, офицер, никогда! – не уловив сарказма в прозвучавшем вопросе, серьезно ответила мадам.

–Пожалуйста, допишите об этом в конце. Иначе мне ни кто не поверит.

Дама с энтузиазмом школьницы сделала приписку и замерла, готовая выполнить любую просьбу офицера.

–Все, можете идти, – детектив указал посетительнице на дверь.

–Разрешите, я подожду здесь, пока вы все проверите, – наивно предложила старушка.

–О-о! – простонал офицер. – Мадам, благодарю вас за помощь полиции. Теперь же поезжайте домой.

Лицо старушки расплылось в довольной улыбке, и она, преисполненная чувством выполненного долга, покинула кабинет...

Заявление странной дамы прошло по инстанции наверх, затем было отписано комиссаром одному из инспекторов, который лишь на следующее утро отправился проверять поступившую информацию.

Инспектор полиции не питал особой надежды накопать что-либо заслуживающее внимания. Однако результат превзошел все его ожидания. В забытой людьми и, наверное, Богом церквушке детектив, помимо упомянутого мнительной старушкой кинжала, обнаружил старинную книгу в деревянной обложке и толстую кипу газетных вырезок со статьями, рассказывающими о таинственном убийстве управляющего Швейцарским филиалом австрийского концерна «Shtern» господина Дитца. В результате детального обыска небольшого домика отца Михаила, примыкавшего к церкви, полицейские нашли записную книжку с адресом и номерами телефонов офиса филиала.

На запястьях отца Михаила защелкнулись наручники. Он ничуть не удивился своему задержанию. Сохраняя величественное спокойствие, священник отказался отвечать на вопросы местной полиции, заявив лишь, что будет общаться только с офицером, ведущим дело об убийстве господина Дитца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.